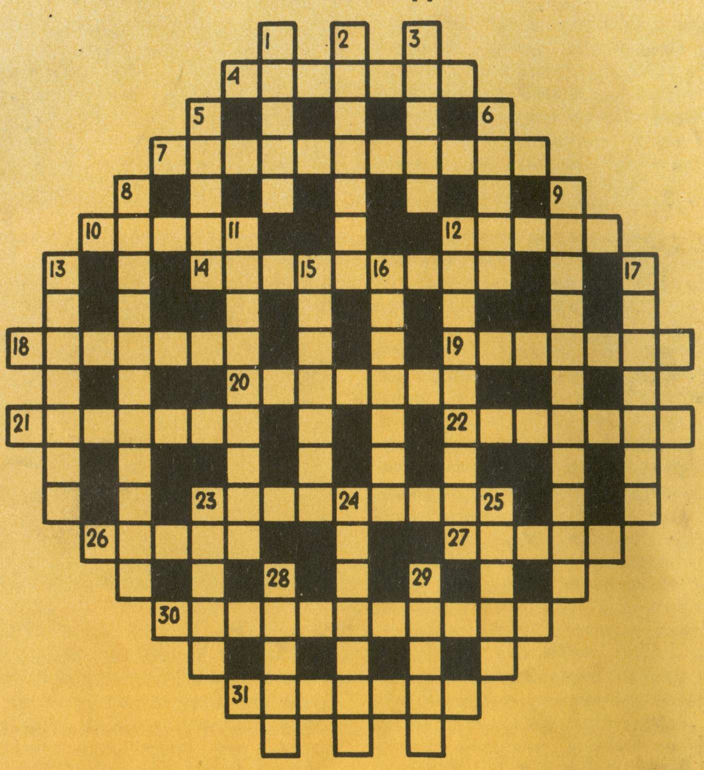
23-1-14

Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **4.** Музыкальный ударный инструмент. **7.** Опера Н. Римского-Корсакова. **10.** Середина. **12.** Головной убор православного и католического духовенства. **14.** Преломление светового луча. **18.** Домашняя птица. **19.** Гемма с углубленным изображением. **20.** Рельефная кладка. **21.** Простейшая плотина. **22.** Яхта-катамаран международного класса. **23.** Ничем не ограниченная власть. **26.** Подъемная машина. **27.** Город в Японии на о. Хонсю. **30.** Специально оборудованное помещение для проведения каких-либо экспериментов. **31.** Комическое или сатирическое подражание кому-нибудь.

По вертикали: **1.** Модель, образец, по которому изготовлена одежда, обувь. **2.** Аппарат, соединяющий в себе радиоприемник и проигрыватель. **3.** Группа военнослужащих, назначенная для несения караульной или гарнизонной службы. **5.** Промысловая рыба. **6.** Действие, выступление. **8.** Специалист по восстановлению памятников искусства. **9.** Количество растениеводческой продукции, получаемое с единицы площади. **11.** Восстановление биологических объектов от повреждений, вызванных ионизирующими излучениями. **12.** Произведение искусства малого размера. **13.** Молочный продукт. **15.** Устройство для регулирования напряжения и тока в электрической цепи. **16.** Коллегиальный руководящий орган. **17.** Русский живописец-передвижник. **23.** Старинная монета. **24.** Русский писатель XIX в. **25.** Одна из сторон бухгалтерского баланса. **28.** Украинский народный танец. **29.** Небесное тело.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

5 • 90 Общественно – политический ежемесячник

Борис Кагарлицкий об интеллектуалах и интеллигенции

Открытое слово Марии Спиридоновой

Владимир КРАСНЕНКОВ, Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, Александр ПОДРАБИНЕК о проблемах печати

«Москва»: по обе стороны прилавка

Дворы Кирилла Касаткина

Улица Чкалова, 16/14...
Из комедии нравов

1945 **1990**

Только сердцем,
пережившим смертное горе безвозвратных
потерь, тоску разлуки, сердцем
оплакавшим бесчисленные могилы,
развалины и пепел тысяч городов и сел,
сердцем, несущим в себе любовь
к павшим братьям и сыновьям,
только сердцем, познавшим великую печаль
и жаркую, душную ненависть,
можно было объять то, что произошло.
Миру был возвращен мир.
И сотни тысяч, миллионы сердец
бились торжеством,
наполнялись радостью и слезами
в час свершившейся победы.

Василий Гроссман
1945

5 (474) •90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 26.03.90. Подписано к печати 27.04.90. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,57. Тираж 100 000 экз. Заказ 695. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800-38}{М172(03)-90}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладках и 3-й стороне обложки: живопись Кирилла Касаткина

ЭТОТ НЕЛЕГКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ

По традиции в мае отмечается День печати, долгие годы бывший олицетворением монолитного идейного и политического единства нашей журналистики.

Годы перестройки буквально смели представление о прессе как о простом связующем звене между «пописывающими» и «почитывающими». Теоретики сейчас, наконец, на полном серьезе поднимаются до глобального философского понимания массовой коммуникации — важнейшей стороны жизни, условия существования цивилизованного общества. И тем обиднее, что при обсуждении проекта Закона о печати его содержание трактуется иногда на уровне ведомственной инструкции: издатель — редактор, редактор — автор, автор — читатель (можно наоборот). Да, к тому же, неисповедимы пути от проекта до закона.

А пока плюрализм мнений на практике выражается в резком размежевании позиций внутри официальной прессы, не говоря уже о колокольной, оглушающей полифонии различных неформальных самизданий. Постоянно звучат призывы к соблюдению этических норм в полемике, делаются попытки определить границы политического плюрализма. При этом ссылаются и на Библию, и на полупеределанную Конституцию, и на Уголовный кодекс. А на место статей Закона о печати становятся его самодельные, предполагаемые параграфы и их интерпретации.

В этих условиях естественное желание редакции обратиться в майском номере «Горизонта» к проблемам печати оказалось неисполнимым по канонам времен минувших, то есть путем публикации одной всеохватывающей, установочной статьи. Поэтому мы решили представить на этих страницах суждения о современной прессе людей различных, даже противоположных, взглядов и политических ориентаций — работника партийного аппарата, известного публициста и одного из лидеров сегодняшнего Самиздата.

Конечно, пойдя таким путем, редакция не может брать на себя ответственность как за высказанные здесь суждения и оценки, так и за достоверность фактов, приводимых выступающими для их иллюстрации. Мы хотим дать читателю непосредственное представление о существующем ныне разбросе мнений — в печати о печати — и возможность самому определить свое отношение к проблеме.

Статьи публикуются в авторских редакциях.

РЕДАКЦИЯ

Владимир Красненков

КАКОЕ БУДУЩЕЕ У РАЙОНКИ!

Сложнейшая проблематика перестройки, наполненная динамизмом, обеспокоенностью масс людей за скорейшее достижение позитивных результатов в экономике, социальной сфере, за преодоление негативных общественных проявлений, находит все более точное осмысление в районной печати Подмосковья. Демократизация, гласность, плюрализм мнений, как принципы революционного обновления, придают качественно новый информационный и идейно-содержательный уровень практически каждой районной и городской газете. Возрос публицистический накал газетных материалов, что способствует не только динамичному формированию общественного мнения, но и его политизации.

В. Г. Красненков — заведующий сектором средств массовой информации идеологического отдела МК КПСС.

Да и диапазон деятельности местных средств массовой информации, как никогда раньше, широк.

Необходимость в новых, творческих подходах к решению задач экономической и политической реформ, к идеологической деятельности как партии в целом, так и каждой первичной партийной организации, вызвали к жизни редакций насущную потребность в переосмыслении агитационной, пропагандистской и организаторской функций газет. Характерная черта явления состоит в том, что районный газетчик чутко следит за пульсом жизни, уже не приемлет кабинетно-бюрократических стандартов времен общественного застоя. Стало повседневной практикой, что газеты, информируя о важнейших событиях города, района, сами перешли к активной организаторской работе как неотъемлемой части всего журналистского процесса. Редакции проводят дискуссии, встречи за круглым столом, прямые линии читателей с партийными и советскими работниками, хозяйственными руководителями и специалистами, трудовыми коллективами и целыми социальными группами людей, объединяемых местом проживания. Динамичные формы общения с читательской аудиторией настолько разнообразны, что позволяют сделать вывод о том, что большинство редакционных коллективов реально приобретает новый творческий стиль. Самое же главное состоит в том, что в центре политико-идеологической концепции газеты стал человек, с его действительными интересами и проблемами, ищущий ответа на волнующие его вопросы. Но это не значит, что в работе местных журналистов сплошные удачи. Есть досадные промахи, а то и явные ошибки. Иные легко поправимы, другие требуют кардинального подхода, чтобы не превратить партийную газету в склад местнических мнений и отрицательных тенденций, навязываемых людям.

В районных и городских газетах практикуются такие формы связей с читателями, как дни районной и городской печати. По сути — это своеобразные творческие отчеты редакционных коллективов, они позволяют без проволочек устанавливать обратную связь. В программах этих мероприятий определяющими стали факторы, могущие раздвигать рамки гласности, насыщать процесс информированности населения по довольно широкому кругу вопросов социально-экономического развития городов и районов, повышать действенность выступлений. Как правило, в таких днях районной и городской печати принимают участие руководители партийных, советских и хозяйственных органов, дают ответы на острейшие публикации. Например, в Клинском районе активизация организаторской работы редакции позволила в самое короткое время удвоить разовый тираж газеты «Серп и молот», обрести новых внештатных активистов печати в трудовых коллективах, среди интеллигенции, молодежи и ветеранов. Иными словами, расширить социальную базу газеты, что особенно важно для консолидации всех здоровых сил перестройки.

Во многих районных газетах Подмосковья при активной поддержке партийных комитетов образованы и успешно действуют на общественных началах внештатные редакции и отделы по возрастным и социальным принципам. Работают пресс-центры, литературные и политические объединения, клубы рабочих и сельских корреспондентов, юнкоров. Газета сейчас больше ориентируется на конкретного читателя, точнее, на конкретные социальные группы, что и служит стимулом к творческому поиску.

На новый уровень работы, в общем-то ранее неизвестный районному журналисту, вышли уже многие газеты.

Ряд серьезных подвижек заметен у щелковских журналистов. В последние два-три года они широко пропагандировали инициативы трудовых коллективов, занятых выпуском товаров народного потребления, решением продовольственного вопроса, улучшением качества социально-бытовых услуг.

Щелковская районная газета помогает становлению новых форм и методов организации труда в экономике. Особенно настойчиво повела газета линию на укрепление регионального хозрасчета в районе, развитие семейного и коллективного подряда, аренды, кооперативного движения. Может сложиться впечатление, что газета пошла самым легким путем — вместо политического и социального анализа занялась производственно-хозяйственной пропагандой, а значит, вернулась на старую наезженную колею. Нет, это не так. Изучение материалов показывает, что в публикациях уделено значительное внимание анализу роли и места партийных организаций в политическом, экономическом и социальном преобразованиях. Вот почему опрос секретарей первичных партийных организаций подтвердил, что щелковская партийная газета ориентирует их на злобу дня.

Возросла последовательность, принципиальность в отстаивании газетой чистого облика партийца. Ряд публикаций по этой проблематике стал предметом большой дискуссии.

Бесспорно, аналогичные подходы свойственны, с поправкой на местные условия и творческую индивидуальность, и многим другим периодическим изданиям. Но оригинальность работы щелковских журналистов состоит еще и в том, что они пошли дальше обыденного представления о возможности районки — стали выпускать видеотелевизионные приложения к газете по животрепещущим вопросам, используя для этого телевизионную технику. Видеогазетные сюжеты усилили действенность газетных публикаций, обращают внимание руководителей на необходимость решительного продвижения практической перестройки в районе. Без видеогазетных сюжетов сегодня нельзя представить проведения пленумов горкома партии, сессий местных Советов народных депутатов, собраний партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, трудовых коллективов. Как отметили социологи, видеогазета остро политизирована, она несет мощный политический, идеологический заряд, укрепляет созидательное начало в жизни людей.

Надо бы добавить, что редакция, первичная журналистская организация, внештатные корреспонденты строят свою работу по выпуску видеогазет на основе хозрасчета, что позволяет укреплять материальную базу редакции, экономическое положение журналистов. Решительно отбрасывая в сторону деляческие представления о меркантильных интересах, редакция сама активно перестраивается как в политическом, так и в экономическом аспектах. Сделанные видеофильмы не только приобретаются на договорных началах трудовыми коллективами, но и создали новый раздел в городском видеотелевизионном клубе. Газета также публикует как положительные, так и отрицательные отклики читателей на все свои материалы. Будущее покажет эффективность журналистской практики, но, пожалуй, одно несомненно: найден новый выход на массовые аудитории.

Многие районные газеты стремятся сегодня координировать свои усилия по решению неотложных, так называемых глобальных проблем, и в первую очередь экологических. Пять — десять газет различных районов и городов проводят мощные кампании в защиту природы и окружающей среды, а их публикации выносятся на обсуждение на сессии местных Советов, собрания трудовых коллективов и по месту жительства. Общественный отклик стал гарантией того, что с безразличным, равнодушным отношением к охране среды обитания человека покончено. Конечно, для полного решения накопившихся проблем нужны время, средства, но то, что сегодня районная печать интенсивно формирует основы экологического мировоззрения, уже примечательный факт.

Районная газета обретает новое влияние на людей в силу того, что она, в отличие от центральных и областных периодических изданий, является своего рода единственным органом, оперативно и конкретно, без лишнего многословия, обобщает, анализирует и распространяет местную информацию. Непосредственная близость к читателю — в этом ее исключительная сила. Не случайно поэтому и ошибки, промахи, необъективность выступлений районки острее, а порой и непримиримее воспринимается читателем. За время перестройки он, читатель, зорче следит за переменами в жизни в своем регионе, чем других. Это вовсе не значит, что читатель замыкается в кругу личных, эгоистических интересов. Нет, ему интересно все, но прежде всего то, чем оборачивается его социальная активность в своем регионе. Это крайне важный момент, к сожалению, выпадающий из поля зрения наших социологов и теоретиков печати, еще не отрешившихся от устаревших оценок деятельности средств массовой информации.

Возрождение районной печати — это результат революционного обновления общественной жизни, перестройки, начатых КПСС и координируемых ею. Новое мышление, концепция которого складывается из решений Всесоюзной партийной конференции, последующих Пленумов ЦК КПСС, политической платформы ЦК партии к XXVIII съезду, является сегодня важнейшим фактором перестройки миросозерцания партийных журналистов. Огромный отпечаток на личность районного журналиста, как, впрочем, и на каждого идеологического работника, советского человека, накладывает деятельность съездов народных депутатов СССР, сессий Верховного Совета, подготовка и проведение выборов в местные Советы, многогранные процессы демократизации общественной жизни. Достаточно сказать, что предвыборная борьба в Верховные Советы СССР, России и местные Советы, острая полемика в высшем органе государственной власти страны воспринимаются как своеобразный образец публицистики, выражающей интересы самых широких масс. Поэтому только на такой широкой демократической базе стали возможны те новые продуктивные подходы, складывающиеся сегодня в местной печати.

Очевидно и то, что принципы революционной перестройки нуждаются в политической и идеологической защите от экстремистско-радикальных сил, спекулирующих на практических проблемах жизни, а то и прямо рвущихся к власти, всячески компрометируя политику партии и Советского государства. При этом, правда, забывают, что вся концепция КПСС обновления социалистического советского народовластия выдвинута самой партией. Актуально прозвучали эти проблемы в речи М. С. Горбачева во время его встречи с редакцией газеты «Правда». «...Защита принципов перестройки,— подчеркнул он,— это важная тема для партийной печати (Правда, 25 октября 1989 года). Распространенной ошибкой ряда районных и городских газет является навязывание читателю идеологического монополизма того или иного редактора или узкой группки журналистов, не овладевших сутью нового мышления. Отрицательных результатов, как говорится, в этих случаях ждать долго не

приходится: получается, что редакция, ставшая на путь мировоззренческого диктата или анархизма, как бы существует сама для себя, вызывая своим поведением замкнутую бюрократическую структуру, вызывая возмущение читателей. «Получается вместо многоголосия и вместо гласности — одноголосие без гласности» — таково меткое резюме М. С. Горбачева о допускаемых крайностях журналистской деятельности (там же).

Не миновали политические перекосы и некоторые районные газеты Подмосковья. Так, одна из районных газет, отличавшаяся на первом этапе перестройки конструктивными подходами в освещении социально-экономической жизни, в последнее время впала в субъективизм, откровенную травлю тех, кто предлагает пути и средства позитивного решения проблем. Формально придерживаясь плюрализма мнений, редакция помещала критические отклики на статьи, отрицающие консолидирующую роль партии и государства в развитии советского общества, но через номер-два обязательно компрометировала человека, высказавшего здравые взгляды. Дело дошло до того, что пленум горкома партии принял решение об укреплении кадрового состава редакции, решительном исправлении допущенных перекосов.

Недостаточная политическая и профессиональная подготовка журналистских кадров, ослабление партийного руководства со стороны горкомов партии создали конфликтные ситуации в коллективах серпуховской, загорской, наро-фоминской и некоторых других редакциях районных и городских газет. Надо отметить, что в большинстве случаев возникшие кризисные ситуации разрешаются путем обсуждения проблем на бюро, пленумах горкомов партии, выработки таких решений, которые способны поднять авторитет партийной районной печати. Здравомыслящему человеку также ясно, что без конфликтных ситуаций сегодня жизнь не протекает, в том числе и в журналистских коллективах. Мы — за деловой, политически зрелый спор, научную полемику, призванную привести к новому, более глубокому и объективному пониманию проблем перестройки. Но такой полемики не получается там, где есть отсталость политического мышления, нежелание учиться новому, а большой важный процесс демократизации и гласности подменяется неделовитостью, спекулятивными выгодами. В общественном мнении это получило наименование поиска жареных фактов, погони за сенсацией самого дурного толка.

Перестройка требует мобильности в подходах к изменению структуры печати. Изыскав возможности, МК КПСС выступил с инициативой создать новые партийные городские газеты в городах Дубне и Жуковском с 1 января 1990 года. Городским комитетам партии и новым редакциям оказана помощь в формировании материально-технической базы, укреплении кадров журналистов. Эти газеты уже успешно действуют.

Однако динамизм жизни таков сегодня, что проблемы буквально захлестывают, захлестывают они и местную печать. Остро звучит вопрос о том, какое будущее, самое ближайшее у районки? Вопрос далеко не праздный, если учесть слабую материально-техническую базу редакций, отсталую полиграфию и недостаточно эффективное стимулирование труда журналистов районки. Бесспорно, эта проблема — лишь частичка общей социально-экономической проблемы перестройки. Вот и волнует журналистов, читателей дилемма: за счет чего и как быстрее поставить местную печать на прочное экономическое основание?

Прежде всего хотелось бы внести предложение в раздел политической платформы ЦК КПСС, касающейся средств массовой информации. А именно дополнить: **местная партийная пресса, телевидение и радиовещание финансируются и материально поддерживаются партийными организациями на основе полного хозрасчета.** Тем более что сама жизнь уже породила объективные условия для этого.

По итогам 1989 года районная печать Подмосковья получила свыше 1 миллиона 320 тысяч рублей прибыли, в том числе сверхплановой свыше 300 тысяч рублей. А что из этих сумм осталось редакциям газет? Практически ничего, за исключением строго выделенных фондов сверху. Даже создав с 1 января нынешнего года издательство «Районная газета», призванное на хозрасчетной основе перестроить экономическое положение местной печати, мы не решили проблемы. Вновь спущенные сверху нормативы финансовых отчислений таковы, что получается игра в одни ворота. А вернее, опять обойден здравый смысл.

Деньги, конечно, идут от деятельности газет в местный бюджет. И это не случайно, поскольку партийная районная газета является не только органом партийного комитета, но и исполкома Совета. Правильно ставится вопрос о разделении изданий, но реальности таковы, что сегодня общее состояние экономики нам этого не позволяет сделать. Надо идти по пути сочетания интересов, в том числе и экономических. Поэтому целесообразно, чтобы пока партийный комитет и Совет вносили равные доли средств на содержание газеты. Иного пути нет. Только в этом случае объединение «Районная газета» сможет выполнить свои хозрасчетные функции. Конечно, с учетом правильного отношения к проблеме со стороны партии и государства. Думается, было бы справедливо, если бы местная пресса облагалась самым незначительным налогом с оборота. В противном случае наша партийная районка будет задавлена так называемой альтернативной печатью, наступающей уже на пятки...

Острой проблемой остается кадровая. Имеющиеся возможности в переподготовке журналистских кадров на принципах нового мышления пока не используются. Хотелось бы поставить эту проблему таким образом. Ранее практиковавшиеся формы учебы районных журналистов безнадежно устарели. Поэтому хотелось бы внести предложение: на базе факультета журналистики МГУ, первичной организации Союза журналистов СССР, издательств «Московский рабочий», «Районная газета» создать постоянно действующий творческий семинар под условным названием «Газета — перестройке». Мыслится, чтобы лучшие публикации участников этого учебно-творческого семинара, предварительно опубликованные в периодической печати, систематически переиздавались в тематических сборниках, альманахах, словом, вернулись к читателю как часть новой, тематически спрессованной культурной ценности. Это, несомненно, явилось бы огромным стимулом в росте журналистского мастерства, политического воздействия на обеспечение продвижения перестройки.

Отстаивая принципы революционного обновления советского общества, районная партийная печать должна выйти на новые рубежи политической зрелости и обрести более мощное влияние на людей. Силой образного, точного и правдивого публицистического слова.

Игорь Бестужев-Лада

СВОБОДА ПЕЧАТИ! ЕЩЕ ЧЕГО!

Вспоминаю год 1954-й. Свою первую любовь — первую статью в журнале. У меня с ней был медовый месяц, если не полтора. Каждый день писал и переписывал с утра до ночи, часов по 15—16 почти без перерывов. Вылизывал каждый абзац, каждое слово десятки раз. Сегодня такая работа заняла бы не более суток, а тогда ей не видно было конца. Все казалось не так, не про то. Десятый вариант сменялся двадцатым, и хотя тема статьи была что ни на есть прозаической (один из аспектов Крымской войны 1853—1856 гг.), в итоге получились самые настоящие белые стихи, где каждая строка призвана была прямо-таки поразить воображение читателя.

Словом, по мнению автора, получился шедевр, дотоле в российской историографии невиданный и потому долженствовавший принести ему, автору, мировую славу. С тем он, шедевр, и был отнесен в редакцию академического журнала.

И вот спустя неделю пришла заново перепечатанная машинопись «вместо гранок». Отредактированный вариант. Глянул — и ноги подкосились. Не мой ребенок! Стандартно отструганный текст, ничем не отличающийся от десятков других, ранее читанных.

Суконные фразы, которые невозможно читать, которые годятся только для того, чтобы выискивать в них компромат на автора или списывать в очередную диссертацию. Больше всего обидно было, что само содержание текста осталось в основном прежним (нашел на что обижаться!); редакторша просто сделала нечто вроде подстрочного перевода с русского на канцелярский, старательно переписав едва ли не каждую фразу своими — точнее, общими — словами. Непонятность экзекуции выстраданного автором текста ужасала и приводила в отчаяние, тем более удивительно было, что попытка вернуться к оригиналу вызвала точно такие же эмоции у экзекуторши. В те времена мы еще не слыхивали о театре абсурда, поэтому оба мучились подсознанием чего-то постыдно-неодолимого, заставляющего поступать вопреки здравому смыслу. Прямо-таки какой-то текстовой садизм-мазохизм!

Много позже мне довелось читать и многожды перечитывать блистательный пассаж из булгаковского «Театрального романа», где герой читает главному режиссеру свою пьесу и тоже с ужасом видит, что главреж его вовсе не слушает и вроде бы даже спит. Герою и в голову не приходит, что главреж уже решил судьбу пьесы, что он видит пьесу уже поставленной, и единственное, что его заботит, как распределить роли, чтобы обыкновенный серпентарий, каковым являет себя, как мы хорошо знаем, каждая уважающая себя труппа любого театра — академического или нет, безразлично,— не превратился в серпентарий необыкновенный, способный уготовить главрежу жуткую судьбу Лаокоона, задушенного змеями. Точно так же мне сорок лет назад в голову не приходило, что меня постигло счастье: не только приняли статью, но и заботливо довели ее до кондиции, при которой она более не угрожала жизни и благополучию автора.

В самом деле, вообразим, что статью опубликовали бы в первозданном виде. Как выглядели бы на этом фоне суконнообразные статьи коллег, среди которых было немало маститых? Как отреагировали бы они на такую наглость, косвенно порочащую их репутацию? Да, скорее всего, так, как это имело место в реальной действительности с сотнями других «оригиналов»,— снесли бы с лица земли. А так статья прошла незамеченной, и единственным ее результатом было скорое производство автора в следующий научный чин, что, как известно, является самоцелью немалого числа наших якобы научных публикаций.

Иными словами, любое, столь привычное нам, редакторское надругательство над авторским текстом — вовсе не какое-то хулиганство, а имеет вполне определенный внутренний смысл: оно является частью системы, при которой человек, не умеющий писать и даже неспособный сообразить, о чем писать, регулярно публикуется и как ни в чем не бывало ходит в писателях или в ученых (кому как повезет), и наоборот — прирожденный писатель или гениальный ученый может так и скончаться без единой опубликованной строчки. Смотря кому куда удалось пролезть, где как пристроиться.

И вот в эту, долгими десятилетиями до деталей отработанную систему, слишком удобную для слишком многих наших сограждан из числа наиболее владетельных и влиятельных, вдруг врывается ураганный порыв свежего ветра: свобода печати!

Это еще что такое?

Вообще-то содержание данного словосочетания проще простого: пиши и печатай, что хочешь, кроме:

а) порнографии, то бишь всего, что наши предки именовали непристойным — от вульгарного мата до изысканных описаний или изображений половой жизни, но так как их потомки полностью утратили представление о различиях между пристойным и непристойным, то приходится уточнять: всего, что способно вызывать искусственное половое возбуждение, морально растлевать молодежь, умножать проявления половых извращений, число изнасилований и прочие столь же нежелательные социальные последствия;

б) диффамации, т. е. распространения о ком бы то ни было порочащих слухов, если данные не подтверждены документально или фактически в установленном законом порядке — опять-таки от вульгарного поклепа до изысканных завуалированных инсинуаций (злостных вымыслов в переводе на русский);

в) провокации, т. е. распространения слухов, способных вызвать общественные беспорядки, например слухов, вызывающих катастрофическую панику, подстрекательство одной социальной группы людей (нации, класса, семьи и т. п.) против другой, подстрекательство к ниспровержению силой установленных законом общественных порядков и других антиобщественных выступлений аналогичного рода;

г) плагиата, т. е. печатания под своим именем написанного другим (тоже приходится пояснять, потому что слишком многие печатающиеся делают вид, будто не знают, что умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, искусства, литературы, изобретение или рационализаторское предложение является уголовно наказуемым деянием, но все знают, что у нас таковое не наказуемо практически никак);

д) наконец, военной или коммерческой тайны, разглашение которой способно нанести ущерб обороноспособности государства или до-

И. В. Бестужев-Лада — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий сектором Института социологии АН СССР, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

ходам того или иного производителя (правда, к этому жульнически присоседивают еще и некую «государственную тайну», но у порядочного государства нет и не может быть никаких тайн, кроме военных или коммерческих, любая же «государственная тайна» появляется как нарыв, свидетельствующий о болезни государства, причем ее масштабы всегда прямо-пропорциональны гнусности и слабости последнего).

Вот, собственно, и все.

Изложить вышесказанное в виде закона о печати для опытного и некоррумпированного юриста — дело одного рабочего дня, от силы — одной рабочей недели. Претворить закон в жизнь можно немедля, причем безо всяких расстрелов и тюрем. Достаточно придавить десяток-другой пакостников, провокаторов, плагиаторов крупным, разорительным для них штрафом, достаточно закрыть злостно нарушающее закон издание — и всякий пишущий-издающий мгновенно станет строжайшим цензором себя самого. Конечно, как показывает мировой опыт, никаких чудес не произойдет. Найдутся и пакостники, и клеветники, и провокаторы, и плагиаторы, и шпионы. Но найдутся на них и законы, и судьи, и управа. Во всяком случае, вряд ли больше станет порнографии, клеветы, провокаций, воровства и шпионажа, нежели ныне. Куда уж больше!

Так за чем же дело стало? Почему так долго и с таким трудом пробивается в жизнь свобода печати?

Да потому, что последствия свободы печати будут катастрофические. Только, конечно, не для нас с вами.

Вообразите себе на секунду (хотя, честно говоря, это очень трудно), что свобода печати восторжествовала, наконец, в нашей великомученической стране полностью и целиком. Что произойдет?

Прежде всего станет явно ненужным Госкомитет по делам печати, знаменитый Госкомиздат. И общесоюзный, и все до единого республиканские. Со всеми их цензурными управами благочиния по областям и городам. Вообще-то они и так ненужные. Но неявно, что позволяет прилично кормиться тысячам и тысячам чиновников. Закрой их — и выстроятся в очередь за пособиями по безработице мириады отцов и матерей семейств. Как в ГДР. Радетели свободы печати, вы что же, бессердечные, этого, что ли, хотите?

Еще большему количеству тысяч придется расставаться с теплыми местами в книжных, журнальных и газетных издательствах.

Там, где провозглашается хотя бы самая куцая свобода печати, один издательский работник, отнюдь не изнемогая от своего труда, способен за один (пишу прописью: **один**) шестичасовой рабочий день подготовить к печати минимум две-три статьи или две-три главы. Несколько дней — и книга пошла в типографию. Еще несколько дней — и она на прилавке магазина. Разумеется, при условии, что написанное принес человек, досконально знающий, что если он принесет халтуру, то лучше ему просто голым выйти на улицу. Меньше будет срама на всю жизнь. И разумеется, при условии, что над издателем не висит осиный рой надзирателей, каждый из которых проверяет и перепроверяет редактируемое, шантажируя нижестоящих угрозой лишения прогрессивки и другими бедами.

Там же, где, согласно 47-й статье Конституции страны, гражданам «в соответствии с целями коммунистического строительства гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества»,— там автор должен занять очередь в планах издательства (журнала) на следующую пятилетку, пройти муки мученические многомесячного «обсуждения» в родном учреждении или организации — как правило, в нескольких инстанциях, с «доработкой» по итогам «обсуждения» в каждой из них, заручиться «внешней» и «внутренней» рецензиями (которые, как правило, приходится писать самому и на которые последующие инстанции не обращают ровно никакого внимания, хотя без них рукописи дальше дороги нет), столкнуться с еще парой так называемых «черных», т. е. заказанных самим издательством анонимных (для автора) рецензий (и горе автору, если хоть одна из них окажется не хвалебной), начать мучительнейшую «работу с редактором», о прелестях которой мы уже сообщали выше, затем объясняться с заведующим редакцией издательства или отдела редакции журнала, у которого при контрольном чтении тоже возникает масса интереснейших соображений, прямо противоположных авторским, наконец, все завершается выходом на заместителя главного редактора, а то и на самого главреда, который ругательски ругает своих подчиненных за небрежную работу и окончательно искореняет в рукописи все авторское, если к тому моменту в ней что-либо от автора осталось.

В результате не проходит и полутора-двух лет, как рукопись, истоптанная кирзовыми сапогами рецензентов, редакторов, завредов и главредов (не считая толпы «обсуждателей»), полностью готова к сдаче в набор. После чего безжалостно выбрасывается в ближайшую корзинку, где дожидается своего планового часа. И вот приходит верстка. Со строжайшим указанием не править ни единого знака. С угрозой разорить штрафами, если оставишь чернильный след хоть на одной странице. А как не править, когда каждое слово безбожно переврано наборщиком. Кроме того, выясняется, что не того цитировал и не того ругал. Начинается так называемая «конъюнктурная правка» и «правка по вине типографии». Иногда в несколько заходов. И каждый заход — река авторских слез. Наконец сверка, которую надлежит вычитать от корки до корки, тоже ничего не правя. Нет, не наконец! Наконец чистые листы, которые надлежит вычитать от корки до корки, ничего не правя. Нет, не наконец! Наконец сигнал, который...

Но пощадим читателя. Для него, конечно, все это — комедия (что полностью соответствует действительности). Но ведь для автора-то — трагедия!

Мы изложили обычный, «нормальный» вариант прохождения рукописи. Бывает много хуже. Мне известны издательства, где все, что пропускает редактор,— не пропускает завредакцией, который с ним на ножах. Известны издательства, где на ножах директор и главред, за каждым из которых стоят «свои» завы и реды. Вот где хлебает горя полною чашею автор! Вот где для него куда ни кинь — всюду клин, длиною в месяцы, а то и годы. С другой стороны, любое издательство, подобно школе, тюрьме или армии,— слепок общества. Там тоже есть протекция, блат и взятки. Там тоже, как и везде, «черный рынок». И уйма народу, протыривающаяся через него.

О конечных результатах лучше не говорить. О них красноречивее всего свидетельствует качество отечественной печатной продукции. И по форме, и по содержанию. Но об одном аспекте все же нельзя не напомнить еще раз. Там, где **у них** один человек одну неделю,— точно там же **у нас** сотня людей долгие годы. Сотня людей долгие годы заняты в поте лица своего! Разве это не великое социальное благо? И вы хотите выгнать этих людей в очередь за пособием? Побойтесь бога! (Хотя, строго говоря, бояться нечего, ибо у нас десятка полтора миллионов искусственно созданных вакансий, отношение к которым в самом буквальном смысле по пословице: работай — не хочу!)

Но самые катастрофические последствия свободы печати, при всех

наших авторских муках, ожидают самих авторов. Да, очень неприятно, когда тебя месяцами «обсуждает» десяток разных инстанций, когда невежды-рецензенты пишут бог знает что, а ты обязан «учитывать» их вздорные замечания, когда редакторша размазывает тебя лицом по твоей же собственной рукописи абзац за абзацем, когда завред смачно плюет в легко ранимую авторскую душу, а главред вообще танцует на твоих распростертых останках танец с саблями, как старый тифлисский банщик в парильне. Но! Но!! Но!!! Даже если ты самый последний дебил пополам с графоманом, то — при условии соблюдения всех правил игры — твоя рукопись непременно увидит свет, причем намного скорее, чем рукописи всех Невтонов и Платонов XX века, вместе взятых.

Ты можешь сочинить поначалу самый настоящий собачий бред, сделав в каждом слове по десятку грамматических ошибок и блистательно явив миру все величие своего невежества. Это не имеет никакого значения! А на что социалистический коллективизм? Он тебя в беде не оставит. Товарищи могут очень обидно покритиковать тебя при обсуждении, но они же помогут написать слово «корова» через два «о». Ведь в конечном счете за твой опус отвечает коллектив и его зав! Рецензенты сравнивают тебя с землей, но они же выправят триллион твоих ошибок. Редакторша, зав и глав вдосталь поиздеваются над тобой, но они же в конечном счете, ругаясь и стеная, вылижут каждую строку языком и превратят любой безумный текст в стандартный, к которому не придерешься (по крайней мере, по форме). Разве это не великое социальное благо? И хотят нас, горе-авторов, имя которым легион, его лишить? Да мы ни за что не поступимся своими принципами!

Нельзя забывать, что там, где начинает хотя бы отдаленно попахивать свободой печати, ситуация драматически меняется отнюдь не в пользу основной массы авторов. Там главный для нас глагол «опубликоваться» теряет не только значение, но и самый смысл. «Публикуйся» сколько влезет, где угодно и хоть каждый день! Иной вопрос, купит ли твою рукопись босс, чтобы заработать на ней, и — главное — купит ли твой опус в книжном магазине хоть один читатель? Если нет — лучше бы тебе на свет не родиться. Во всяком случае, писателем.

Это намного хуже, чем все «обсуждения», рецензенты, оппоненты, редакторши, завреды и главреды, вместе взятые. Это заранее означает, что не пройдет не только халтура, но и серятина, которую может состряпать каждый. Ибо, если хоть чуть мелькнет спрос на какую-то серятину — этот спрос кинется удовлетворять десяток высоких профессионалов, агат кристи и жоржей сименонов, каждый в своем роде — так что на долю дилетантов выпадает роль болонок, жалобно повизгивающих в стороне, пока свирепые псы терзают лакомый кусок. Это тебе не социалистический коллективизм!

Вот почему в загнивших странах Запада писатели исчисляются какими-то жалкими сотнями, а у нас одних лишь официальных — десяток тыщ, неофициальных — за сотню тыщ, графоманов, терроризирующих редакции,— за миллион. Вот почему западный НИИ может дать кров и хлеб каким-то жалким двум-трем дюжинам научных работников, а наш — при том же количестве научной продукции (о качестве лучше не упоминать) — вдесятеро большему числу едоков, вовсе не обязательно обремененных научными способностями. Вы понимаете, на что вы посягаете с вашей «свободой печати»?!

Главное же, свобода печати излишне осложняет жизнь уважающим себя людям, которым и без того нелегко сегодня. Без свободы печати можно было спокойно возводить дачу и ремонтировать сдвоенные хоромы за государственный счет. Можно было возить тещу на базар на своей персональной машине. А вечером, не таясь, выгружать из ее багажника положенную пайку. Можно было без скандала и без экзаменов (либо с имитацией последних) сунуть дочь в английскую спецшколу, а сына — в русский институт разных отношений. Можно было одним намеком перекрыть движение транспорта по главной улице города и перед окнами своего особняка. Можно было отдохнуть в «охотничьем домике», задарма, отстреливая боровую дичь днем и точно так же задарма отсыпаясь в объятиях обслуживающего персонала ночью. А отдохнув, можно было безнаказанно в прах разорить целый край и с почетом удалиться в московские хоромы. И редактора местной газеты, осмелившегося хоть намеком недостаточно почтительно отозваться обо всех этих художествах, без лишних слов загнать за можай.

А теперь, черт возьми, приходится проделывать все то же самое, озираясь, словно тать в ночи, и поминутно блудословя о перестройке, гласности, демократии. И конечно же о социализме. Еще нет никакой свободы печати, а сколько уже погорело уважающих себя! Еще нет никакой свободы печати, а уже летят к чертовой матери принципы, которыми ох как не хочется поступаться. Еще нет никакой свободы печати, а уже — страшно сказать — начали презрительно отказываться от некогда почетных захоронений. Что же будет, когда начнут «внедрять» эту самую свободу печати? (У нас ведь без «внедрения» ни одно нововведение не проходит.)

Досаднее всего, что деваться от этой проклятущей «свободы печати», не к ночи будь помянута, прямо скажем, некуда. Настали последние времена! Отовсюду только и слышно: свобода печати, свобода печати... Неудобно как-то прикрикнуть: вот я вас! Приходится повторять, как попугай, ныне общепринятое. Вроде удавки-галстука: хочешь выглядеть приличным человеком, попасть в президиум и далее в правление — душно не душно, цепляй галстук, говори про свободу печати.

Но подождите, мы вам покажем свободу печати! Через несколько месяцев вся наша страна радикально изменится. По форме. А вот по содержанию мы останемся все те же. Только в галстуках вместо кителей. И неужели мы будем ждать милостей от природы? Неужели будем ждать, придут к нам студенты на лекцию или нет при нынешних вольностях? Неужели будем ждать, признает ли нас лауреатами Нобелевский комитет или нет, когда у нас у самих таких комитетов — вагон, и техника прохождения отработана досконально? Неужели будем ждать, купят нашу книгу в магазине или не купят, когда есть тысяча способов сначала огрести гонорар, а потом хоть трава не расти?

Нет, доколе у нас существуют госкомиздаты, творческие союзы и академии наук,— мы не пропадем, невзирая на наши лица. Мы еще не знаем точно, как мы приспособимся к быстро меняющейся обстановке. Но то, что приспособимся,— это точно. Приспособились же к полностью искорененным несколько лет назад «нетрудовым доходам». Приспособились и к якобы радикальному сокращению управленческого аппарата, в том числе и к якобы упразднению Госагропрома и других синекурных образований. Приспособились к якобы самофинансированию, якобы самоокупаемости, якобы самоуправлению. Даже к якобы хозрасчету — локальному, региональному и тотальному. Даст бог, приспособимся и к якобы «свободе печати».

Страшновато только, если бог не даст и получится не «якобы»...

Александр Подрабинек

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ?

В последние недели в центральной прессе появилось немало статей о нашей прессе, о самиздате. Поводом для этого служит грядущее обсуждение и принятие Закона о печати. Причина газетной кампании серьезнее — советская печать обеспокоена ростом самиздата. Признавая независимую печать как общественное явление, советские авторы все свои рассуждения сводят к тому, как же все-таки сделать так, чтобы самиздата не существовало. «Может, пора поставить независимую печать в некоторую зависимость от закона? Не только уголовного, но и Закона о печати, создав ей равные условия с официальной прессой»,— пишет в статье «Дети подземелья» Татьяна Фаст (Литературная газета, 10 января 1990). Зависимость от законов независимые издатели и журналисты и так ощущают на каждом шагу, тут Татьяне Фаст беспокоиться не о чем. Распространители самиздата могли бы еще немало рассказать и о зависимости от законодательства, от произвола милиции и об административных правонарушениях. Что касается равных условий с официальной прессой, так о чем, собственно, речь? О доступе к типографским мощностям, к бумаге, о свободной продаже изданий и правах юридического лица? Или о необходимости нести каждую страницу в учреждения Главлита, печатать в обязательном порядке официальную информацию (что предусмотрено проектом Закона о печати), зависеть от благосклонности чиновников, распределяющих фонды? Самиздат потому и получил распространение в нашем обществе, что не желает иметь цензурную удавку и находиться в материальной зависимости от государственных органов — неплохо бы было уяснить это тем, кто жаждет поставить его в те же условия, в которых находятся сами.

Озлобленность советских авторов, пишущих о самиздате, достаточно понятна. Официальной прессе и не снилась та популярность, которую имеет самиздат. За «Свободное слово» или «Экспресс-Хронику», объемом вдвое меньших трехкопеечных «Известий», читатель платит в 30—35 пять раз дороже. Кто купит «Известия» за рубль? Действительно, обидно. Раздраженная официозная пресса, анализируя феномен независимой печати, уклоняется от объяснения причин популярности самиздата. Вместо этого она пичкает своих читателей усовершенствованными пропагандистскими штампами. «...Что там неформальная или диссидентская зарубежная пресса! В декабре прошлого года достаточно было включить вторую общесоюзную программу ЦТ и до половины четвертого утра наслушаться на втором Съезде народных депутатов в Кремле такого, чего никакие «неформалы» не придумают...» (Сироткин В. Неформалы за станком. Неделя, № 3, 1990). Какое самомнение! Чего же «такого» можно было услышать на этой пошлой комедии гласности и парламентаризма, разыгранной несколькими сотнями послушных статистов и инициативных шутов?! «Гигантское расширение рамок официальной гласности отбивает у читателя вкус «запретного плода»,— выдает желаемое за действительное тот же Владлен Сироткин в «Неделе». И даже «официальная гласность» не коробит автора. Все это,

А. Подрабинек — главный редактор газеты «Экспресс-Хроника».

казалось бы, должно отвратить читателя от самиздата и обратить лицом к киоскам «Союзпечати». Этого, однако, почему-то не происходит. Заклинания типа того, что «Экспресс-Хроника», «Русская мысль» и «Гласность» стоят на отчетливо антисоциалистических позициях» (В. Сироткин), едва ли отвратят читателей от этих изданий, скорее наоборот. В лучших традициях советской журналистики В. Сироткин перемежает пропагандистские натяжки с хвастовством и ложью. То за всеми советскими участниками зарубежных форумов о перестройке охотятся корреспонденты Би-би-си, «Немецкой волны» и «Голоса Америки», «умоляя дать интервью или хотя бы тезисы докладов», то персонально за Владленом Сироткиным охотится представитель журнала «Страна и мир» и «слезно просит» дать тезисы доклада Сироткина, то «издатели-неформалы» просто не знают истинную историю нашей гражданской войны (подразумевается, что уж Сироткин-то знает ее как никто другой!), то вдруг оказывается (открытие Сироткина), что произошло фактическое слияние «Экспресс-Хроники» и парижской «Русской мысли». Таинственной и зловещей фигурой при этом оказывается Наталья Горбаневская, которая раньше была редактором «Хроники текущих событий», а теперь работает в «Русской мысли». Весь этот вздор, по мысли автора, должен убедить читателя в том, что самиздат на последнем издыхании и будущего у него нет. Вот уже и «легальные правозащитники и радетели перестройки» А. Стреляный, Л. Сараскина, покойный академик Сахаров дают по телефону интервью для радио «Свобода» — так зачем же нужен самиздат?

В подтверждение своего тезиса об утере интереса общества к самиздату Сироткин приводит слова С. Григорьянца о том, что самиздатская печать почти не преследуется — этот «феномен свободы» вызван, по Сироткину, тем, что официальный «тутиздат» стал намного интересней, чем «тамиздат». Вроде бы нет нужды преследовать то, что и так не вызывает интереса общества. К сожалению, С. Григорьянц действительно высказал такое суждение, исключив, правда, из него свое собственное издание и подвергшуюся разгромному обыску «Демократическую оппозицию» (Григорьянц С. Московский самиздат. Гласность. № 29, апрель 1989). Утверждения Григорьянца в данном случае далеки от истины. Можно привести немало случаев налетов на редакции независимых изданий, избиения их сотрудников, притеснений на работе и увольнений с работы, препятствия со стороны милиции и местных властей деятельности независимых изданий. «Гласность» и «Демократическая оппозиция», увы, не единственные независимые издания, подвергшиеся притеснениям со стороны властей. По данным «Экспресс-Хроники», только за два летних месяца — июль и август 1989 года в Москве распространители «Экспресс-Хроники» были задержаны 20 раз, подверглись административным арестам — 2 раза, избиты — 2 раза, оштрафованы — 7 раз, изъято в общей сложности 1212 экземпляров газеты. 13 августа при разгоне демонстрации распространителей, требовавших вернуть изъятое, милиция применила огнестрельное оружие. Это данные только за два месяца, только по Москве и только по преследованиям распространителей «Экспресс-Хроники». А сколько задерживают, штрафуют, арестовывают и избивают распространителей других изданий? За последние полгода не было, кажется, ни одного номера «Экспресс-Хроники», в котором отсутствовала бы рубрика «Преследование распространителей самиздата». И тем не менее самиздат живет, издания распространяются.

Уверения В. Сироткина, что после принятия Закона о печати «ряд наиболее серьезных неформальных журналистов уйдет в новые легаль-

ные органы печати»,— всего лишь беспомощная попытка заранее отделить серьезных журналистов от несерьезных, определив в качестве последних тех, кто останется в самиздате и после принятия Закона о печати. Уж так хочется поскорее похоронить этот неприятный самиздат...

Татьяна Фаст в уже цитированной мной статье пишет: «Но позвольте, разве профессиональная печать борется не за то же? Да, вчера пресса не писала о митингах неформалов, замалчивала национальные разногласия, остерегалась бунтарей от литературы, от музыки. Но сегодня-то обо всем об этом — миллионными тиражами... Что же получается? Ходим с самиздатом одними и теми же тропами? Заделываем одну и ту же брешь? Почему же тогда рядом, а не вместе?». Ответ как бы неизвестен. Между тем он прост. Не ходит самиздат рядом с официальной прессой, не заделывает одну и ту же брешь. Официальная пресса проводит на своих страницах политику партии и правительства, сейчас — политику гласности. Изменят ей приказ — она будет проводить любую другую политику. Так было все эти 70 лет. Сотрудники официальной прессы получают зарплату от государства, а платит, как известно, как раз тот, кто заказывает музыку. Вот государство и заказывает музыку по своему настроению. Официальная печать з а в и с и м а от государства, а еще точнее — она часть его. Самиздат же н е з а в и с и м, его сотрудники либо вообще не получают за свой труд денег, либо получают их прямо от читателя. Они могут зависеть только от читательского спроса, но не от политических амбиций партии и государства. Поэтому они и свободны в своем журналистском труде, а эту свободу и этот труд читатель умеет ценить.

Советские журналисты прониклись уверенностью в том, что достаточно напечатать то, что вчера было запрещено, как читательские симпатии будут ими навечно завоеваны. Между тем читателю нужна правда, а не часть правды, и всегда, а не изредка. Советская печать на это не способна. Ни одна советская газета не выходит без материалов, дезинформирующих читателя, без идеологической лжи — неужели авторам советской прессы это не видно? Даже если это и так, то лукавую полуправду хорошо видят читатели. Поэтому самиздат и не теряет популярность.

Тропы у самиздата и официальной прессы разные. Советским журналистам, пищущим о самиздате, следует помнить и о том, что репутация советской прессы безнадежно испорчена. Газеты и журналы, десятилетиями лгавшие народу, несшие ему идеологическую отраву, могут ли заделывать ту же брешь, что и самиздат? Репутация — понятие для материалистов марксистского толка отвлеченное, а для общества — значимое. В свободном обществе, где восторжествует не горбачевская гласность, а подлинная свобода слова, советская пресса зачахнет. Будущее за самиздатом, ставшим профессиональной прессой. Это видно уже сейчас. Пока еще можно в советской прессе писать о самиздате снисходительно, посмеиваться над дилетантским оформлением, скверным качеством печати, мизерными тиражами. Никто из советских пишущих не назовет истинных причин тяжелого положения самиздата — монополию властей на производство и торговлю множительной техникой, монополию на производство и торговлю бумагой, запрет на легализацию независимых изданий, милицейский произвол в отношении распространителей самиздата. Что ж, с высоты своего монопольного благополучия советская пресса может пока рассматривать самиздат под микроскопом. Тем более что милиция стоит на страже интересов советской журналистики. Но если рухнет государственная монополия

КИРИЛЛ КАСАТКИН

Авария. 1990

Крик. 1990

Газовый ввод. 1990

Московский двор. Зима. 1990

на газетное дело, то придется советским газетчикам побеспокоиться. Уже сейчас признаки этого беспокойства появляются, хотя монополия еще не рухнула, а только угроза этого появилась. В открытой же конкурентной борьбе советская пресса самиздату почти наверняка проиграет. Убрать воздвигнутые между самиздатом и читателями многочисленные милицейские и административные барьеры, дать возможность завоевывать читательскую аудиторию на равных в открытой борьбе — и кто же будет покупать «Правду» или «Советскую Россию»? Да только из-за одних названий эти газеты не выдержат конкуренции с самиздатом! А это еще только форма; помимо названий и репутации есть суть, и заключается она прежде всего в том, что самиздат искренен и правдив по необходимости, по условиям своего рождения, а советская пресса, обычно лживая, если и говорит правду, то по разнарядке свыше.

Если будущее нашей страны за правдой и демократией, значит, будущее не за советской прессой.

(Экспресс-Хроника, 1990, 6 февраля)

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Борис Кагарлицкий

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ПРОТИВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С некоторых пор мы перестали говорить о новых «рубежах гласности». Литературный процесс шел от сенсации к сенсации, но сами по себе сенсации были все больше из прошлого, и интерес к ним постепенно уменьшался.

Поразительное дело — самый бурный интерес и самые острые дискуссии совсем недавно вызвал роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» — при всех своих достоинствах явно не относящийся к числу литературных шедевров. «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана была гораздо острее политически и бесспорно значительнее в художественном плане, однако общественный резонанс этой публикации оказался куда меньшим.

Сейчас опубликован «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Еще не так давно за распространение этой книги давали срок. Помню, как на страницах одного из самиздатовских журналов кто-то писал: «Если опубликовать «Архипелаг» миллионными тиражами — все перевернется!» Опубликовали. Перевернулось ли что-либо хотя бы в литературе?

Разумеется, некоторые произведения остаются пока «запретными» — например, эмигрантские работы Троцкого, включая его замечательную автобиографию, пока еще не опубликовали,— видимо, эти книги считаются пострашнее «Архипелага ГУЛАГ» — ведь эти книги являются уже фактами политики, а не литературы. Впрочем, и их публикация скорее всего не вызовет потрясений.

Что происходит? В первые год-два от провозглашения гласности все критики в один голос жаловались: где новые имена, где новые произведения? Ведь массовый интерес к литературным публикациям вызван

почти исключительно возвращением к читателю книг, изъятых цензурой, публикацией мемуаров, вырвавшихся из ящиков письменных столов. Теперь критики уже даже перестали рассуждать на эту тему. Видимо, привыкли.

Новые книги появляются. Но опять же — больше о прошлом. «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина — явление уже литературы 80-х годов. Но где же книги о самих 80-х годах? Можно сослаться на «Апофегей» Юрия Полякова и еще несколько подобных повестей, но вряд ли это удовлетворит человека, интересующегося серьезной прозой.

Итак, кризис литературы? Только ли? Послушайте людей театра, кино, и вы обнаружите схожую картину.

На мой взгляд, за этими внешне видимыми кризисами скрывается другой, гораздо более глубокий и серьезный — КРИЗИС ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Изменились не только условия творческой деятельности, изменились стереотипы поведения, принципы, ключевые ценности. Почему еще десять лет назад одни люди шли в тюрьму, распространяя «Архипелаг ГУЛАГ», даже если не соглашались с идеями автора, а другие столь жестоко преследовали за эту, как обнаружилось, не столь уж страшную деятельность? И те и другие верили в силу СЛОВА. И писатели, и те, кто преследовал писателей, затыкал им рот, верили, что СЛОВО всемогуще, оно может само по себе быть опасным. Это традиционное российское и восточное представление, увы, разрушается на глазах. На место культа СЛОВА приходит РЕПРЕССИВНАЯ ТЕРПИМОСТЬ — традиционный принцип либеральной культуры Запада: ты можешь говорить все, что хочешь, от этого все равно ничего не изменится. Писатель больше не преобразует мир. Он лишь поставляет товары на книжный рынок.

Правда, не факт, что даже на этот рынок мы долгое время сможем поставлять товар высокого качества. Стереотипы западной культуры «работают» в рамках соответствующего общества либеральной демократии. Где у нас либеральная демократия?

Традиционно русское понятие ИНТЕЛЛИГЕНТ существенно отличалось от западного ИНТЕЛЛЕКТУАЛ. Русский интеллигент по преимуществу был западником, был воспитан на западных влияниях — сначала на Гегеле и Шеллинге (кстати, кто вспоминает сейчас об огромном влиянии Шеллинга на славянофилов?), потом на Милле и Марксе. Он подхватывал наиболее передовые и радикальные концепции западной культуры. Но все же он был явно непохож на своего западного коллегу. Интеллектуал — по определению Ж.-П. Сартра — «техник практического знания». Работник умственного труда, обладающий необходимой компетентностью и информацией и этим зарабатывающий себе на хлеб. Никаких нравственных норм и принципов поведения роль интеллектуала автоматически не предполагает, точно так же как она не связана и с определенными политическими ориентациями. Иное дело — русское понятие «интеллигент».

Традиционно сложившаяся роль интеллигента — говорить от имени народа и общества перед лицом недемократического государства, защищать не свои интересы, а интересы угнетенных, считать свою деятельность тесно связанной с борьбой за демократию. Именно эти моральные принципы объединяли интеллигенцию в единое целое. Практическим воплощением этого единства стали немыслимые на западе «толстые журналы», возникшие у нас еще в XIX веке, где можно было в одном номере читать и прозу, и поэзию, и статьи по экономике или

естественным наукам. И авторы и читатели знали, что все это для единой цели.

Естественным следствием интеллигентской идеологии была ее приверженность социализму как наиболее последовательной форме демократического движения. Даже среди сторонников партии конституционных демократов социалистические идеи пользовались большей популярностью. Когда после революции 1905 года группа видных мыслителей того времени — Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и др.— совершила резкий поворот вправо, опубликовав сборник «Вехи», она обрушилась с резкой критикой не столько на революцию и социализм, сколько на интеллигенцию.

Новая интеллигенция, сознательно или бессознательно рассматривая себя как продолжение дореволюционной, пожалуй, имела для этого достаточно оснований. Воспроизводилась сходная ситуация, воспроизводились основные идеи и ценности, включая веру в социалистические идеи и стремление в той или иной форме защищать интересы масс. Этими настроениями был пронизан «Новый мир» 60-х годов. Представители поколения 60-х до сих пор сохраняют верность этим идеям. Но в целом ситуация радикально изменилась.

Произошла своеобразная мутация. Случилось это, видимо, еще в 70-е годы, хотя из-за отсутствия гласности никто не обратил на это внимания. Разгон редакции «Нового мира» и политический зажим отнюдь не отразились на повседневном существовании интеллигенции. Брежневский режим подвергал репрессиям лишь открыто протестующих, лишь тех, кто нарушал определенные границы. В целом же люди продолжали публиковать книги, выступать на симпозиумах и ездить за границу. Не требовалось даже лояльности, достаточно было, по великолепному выражению Л. М. Баткина, «ритуального самоосквернения»: присутствия на неприятных собраниях, молчания в подобающих случаях, голосования за единственного кандидата и т. д. Давайте говорить откровенно: материальное положение (и социальный статус) интеллектуальной элиты за это время существенно улучшилось. На место коммуналок пришли кооперативные квартиры, затем появились «Волги», «мерседесы», видеомагнитофоны и компьютеры, становящиеся нормой потребления.

Я отнюдь не хочу высказываться здесь против материальных благ. Было бы цинично и пошло сводить вопрос к этому. Но надо признать, что в психологическом плане десятилетие сочетания политического зажима с материальным «проспирити» оказалось для духовного мира нашей интеллигенции неожиданно разрушительным. Было комично, когда некоторые моралисты из числа писателей протестовали против вещизма в стране, где даже покупка куска мыла становится проблемой. Но в том то и дело, что моралисты решали собственные нравственные проблемы...

Платой за «проспирити» был конформизм, психологической защитой от конформизма — цинизм. Все это — на фоне растущей безнадежности относительно возможности демократического будущего для страны и политического будущего для собственного слоя. Поколение 60-х годов пыталось держаться за свои принципы, люди 70-х в значительной степени оказались потерянным поколением. В течение десяти лет почти перестали появляться новые литературные имена (можно вспомнить Гельмана, Петрушевскую, Маканина, еще несколько имен — но это же совершенно несравнимо с литературным «взрывом» 60-х годов).

В середине 80-х, когда значительная часть интеллигенции потеряла

уже всякую надежду, положение вдруг решительно изменилось. Провозгласили перестройку, и интеллигенция вдруг вновь обрела голос. Только голос этот звучал теперь совершенно иначе, чем прежде.

В идеологическом плане первые два года перестройки были реваншем людей 60-х годов. Представители этого поколения неожиданно оказались на первом плане, многие из них обрели реальную власть. «Либеральный коммунизм», вдохновлявший интеллигентов хрущевской эпохи и потерпевший крах после вторжения советских войск в Чехословакию, казалось, обрел второе дыхание. Люди вновь поверили в возможность постепенных реформ сверху, в то, что либеральная рыночная реформа, видевшаяся им как второе издание ленинской новой экономической политики, проводимая под руководством осознавших свою историческую ответственность партийных лидеров, постепенно и плавно приведет нас к демократии, а прогрессивная интеллигенция советом и конструктивной критикой будет помогать этому процессу.

Логика политического и культурного реванша выдвинула на первый план «суд истории» над сталинским прошлым, реабилитацию очерненных имен и возвращение запрещенных книг. Вся наша периодика на какое-то время превратилась в гигантский литературный архив. Однако идти вперед, повернувшись лицом к прошлому, оказалось невозможно. Очень быстро выяснилось, что за общим стремлением к «переменам» стоят противоречивые интересы, что экономическая реформа, представляющая на практике странное, но вполне логичное в нынешних обстоятельствах сочетание традиционно-бюрократических, рыночных и капиталистических мер, приносит реальные выгоды лишь наиболее современной части аппарата, технократии, провинциальной торговой буржуазии, которую почему-то назвали «кооператорами», и иногда некоторым международным корпорациям, быстро срастающимся с «традиционной» бюрократической номенклатурой через систему «смешанных предприятий». Борьба вокруг реформ вызвала быстрое осознание большинством социальных слоев своих интересов. Массы обнаружили, что преобразования ничего им не дают, кроме возможности открыто выражать свое недовольство, и ответили забастовками.

В этой ситуации и обнаружилось, что на место старого интеллигентского комплекса заботы о народном благе пришло нечто новое — культ компетентности, стремление отстаивать свои собственные «цеховые» интересы. В самом этом факте нет ничего дурного. Когда я вижу, как решительно представители творческих союзов в Верховном Совете защищают право этих союзов на налоговые льготы, я могу лишь порадоваться за эти организации, нашедшие наконец руководство, способное постоять за интересы членов. Но в то же время как это непохоже на традиционную роль интеллигенции, всегда стремившейся принести свои интересы в жертву интересам народа.

Либералы образца 60-х годов оказались в обороне. На смену им шли более последовательные носители неолиберальной идеологии, поклонники миссис Тэтчер и мистера Рейгана. Нравятся или не нравятся нам их взгляды, но, во всяком случае, они были куда более логичны, нежели взгляды либерал-коммунистов. В самом деле, если лозунгом дня становится «свободный рынок», право «передового меньшинства» осуществить реформу в своих интересах, жертвуя интересами «отсталого большинства» (вспомните мотивы 30-х годов), если на страницах «Нового мира» нас убеждают в необходимости примириться с существованием десятков миллионов безработных, короче, если нас призывают

сделать то же самое, что делали и пропагандировали правые на Западе, зачем нам разговоры о социализме, при чем здесь возврат к «истинному Ленину» или опыту 20-х годов? Последовательные неолибералы видели во всех этих идеологических атрибутах не более чем дань традиции и политическим условиям, временное прикрытие, которое теперь, в условиях гласности, уже не нужно.

Отказ от прежних догм — дело святое. Но неужели не ясно, что вместе с отказом от последних остатков социалистической идеологии мы наблюдаем и прощание с гуманизмом, отказ от традиционной демократической миссии интеллигенции, всегда понимавшей демократизм не просто как приверженность определенной системе либеральных институтов, существующих на Западе или, например, в Южноафриканской республике, а заботу об интересах большинства. История «Вех» повторяется...

Разрушение традиционных стереотипов интеллигентского сознания сопровождается формированием технократического мировоззрения. Новый российский интеллектуал тоже тяготеет к Западу, но для него это уже не трехтысячелетняя цивилизация, Вольтер, Модильяни или Маркс, а технология и потребление. Потребность попасть в этот земной рай диктует политику, ориентированную на копирование западных методов вне зависимости от того, насколько эти методы адекватны нашим социальным, культурным и экономическим условиям. Забота о культуре отступает на второй план, если вообще играет отныне какую-то роль. Литература, театр, кино — все это должно в соответствии с понятиями самого архаичного, самого дикого капитализма стать просто товаром. Впрочем, чего еще можно ждать в наших условиях? Ведь пока мы видим не формирование новой культуры, а лишь разрушение старой.

Гласность выявила поразительную духовную бедность значительной части общества, которая не смогла придумать ничего лучше, как в новых условиях поменять местами черные и белые тона на старых идеологических лубках или позаимствовать пропагандистские клише из прошлого. Конформистские стереотипы поведения не рухнули, а лишь наполнились «новым содержанием», когда выяснилось, что «все дозволено». Вместо ожидаемого плюрализма толстые журналы и еженедельные газеты демонстрируют во многих случаях поразительное единомыслие,— по крайней мере, по сравнению с общественным мнением Запада. Стремление вписаться в поток, а если возможно, то и оказаться «немного впереди прогресса» заставляет публицистов соревноваться в повторении общих мест либерализма. Результаты оказываются зачастую довольно комичными. На страницах «Литературной газеты» можно вновь прочитать критику Бердяева, который что-то не понял или не осознал. На сей раз ему вменяется в вину, что он не осознал «правду капитализма» и не смог до конца преодолеть марксистские влияния в своем творчестве. Окончательно запутавшийся читатель, которому так и не удалось еще увидеть своими глазами работы самого Бердяева, может только разводить руками.

Многочисленные издания спешат рассказать нам о злодеяниях большевиков, убивших последнего русского царя, а критика Троцкого и троцкизма принимает масштабы, невиданные со сталинских времен. Все это свидетельствует не только и не столько о слабости цензуры, сколько о направлении новой моды. Об этом сейчас принято говорить и писать. Все это — ходкий товар. Серьезная литература и серьезная история, однако, требуют принципиального отказа от «товарного подхода». Ведь умение противостоять моде, господствующему идеологическому направлению

или рынку не менее существенно, нежели готовность противостоять государству. Именно это отличало «традиционного» интеллигента. Между тем как раз в тот момент, когда государственные репрессии сменились репрессивной терпимостью, выявилась поразительная неспособность множества наших литераторов к самостоятельному культурному и идеологическому выбору. Мы плывем по течению и наглядно утрачиваем внутреннюю свободу, наслаждаясь прелестями гласности.

Что это означает для искусства? На мой взгляд, последствия могут быть катастрофическими.

Можно ли писать стихи, пропагандирующие «умение торговать»? Или даже «свободу торговли» и «свободный рынок»? Можно, но только плохие стихи, вроде тех, которыми рассказывала о себе вакса Уоррена на рекламных плакатах в Англии XIX века. Восхваление авторитаризма и индустриализма в стихах Маяковского и сейчас возмущает критиков, видящих в этом вырождение его таланта. Многие выступления нынешних публицистов, прославляющих право сильного, восхищающихся искусством коммерции и проповедующих обывательский «здравый смысл» как высшую добродетель, звучат не менее чудовищно. Но нового Маяковского среди них нет.

Образ мышления, лежащий в основе новых популярных идей, вполне традиционен. Меньшинству приписывается право совершить насилие над большинством во имя его же, большинства, блага, развитие экономики и строительство современных предприятий видится единственным критерием прогресса. Если большевики видели экономику как ОДНУ БОЛЬШУЮ ФАБРИКУ, то у новых либералов общество и экономика должны управляться КАК ОДИН ГИГАНТСКИЙ СУПЕРМАРКЕТ. Симметричные иллюзии и упрощенный подход к действительности роднят нынешних проповедников простых решений с ранним сталинизмом 20-х годов. И в том и в другом случае в основе всего лежат извращенные представления о радикализме и прогрессе. И в том и в другом случае принятие подобной логики хотя бы частью интеллигенции свидетельствует о ее глубоком кризисе.

На Западе давно замечено, что писатель может иметь правые или левые взгляды, но у левых их политические идеи, как правило, находят прямое отражение в творчестве, а у правых — нет. Поразительный недавний пример — Марио Варгас Льоса, у которого становилось тем меньше политики в творчестве, чем больше он втягивался в политику в качестве правого деятеля. Дело в том, что западный «левый интеллектуал» в какой-то степени близок к традиционному русскому интеллигенту. Разрушая свои традиции, мы уничтожаем и одну из важнейших нитей, связывающих нас с Западом.

Интеллектуалы имеют мало общего между собой: эксперта по экономике ничто не связывает со специалистом по литературе. С того момента, как логика экономической публицистики в толстых журналах все больше вступает в противоречие с гуманистическими принципами, все еще воспроизводимыми в прозе, все меньше и меньше существует необходимость объединения того и другого в одном переплете. Разве только для экономии бумаги и удобства почты — количество подписных изданий тем самым сокращается.

С этой точки зрения становится вполне логичной и закономерной позиция И. Клямкина и А. Миграняна в их совместном интервью «Литгазете». Парадоксальным образом именно это интервью стало, пожалуй, главным КУЛЬТУРНЫМ событием года, поскольку знаменовало крушение последних мифов, которые интеллигенция еще пыталась сохранять о самой себе.

Клямкин и Мигранян говорили о необходимости диктатуры, доказывая, что без нее рыночная экономика работать в нашей стране не будет. Я вполне готов с ними согласиться с той оговоркой, что и при диктатуре она, скорее всего, работать не будет — действительный выход из кризиса требует огромной мобилизации ресурсов и сил на основных направлениях развития, а это, как показал опыт 30-х годов, достигается либо тоталитарным планированием, либо какой-то формой демократического регулирования, которую нам еще предстоит создать. Но разговор сейчас не о том. Большинство критиков атаковало Клямкина и Миграняна с позиций общих ценностей или общего блага, в то время как в действительности речь в их статье шла вовсе не об этом, а о частных интересах. Ведь, в сущности, нам просто популярно разъяснили, что определенным социальным слоям, включая интеллектуальную элиту, удобнее будет существовать при либерально-авторитарном рыночном режиме, нежели в условиях демократии или в той ситуации, которая сложилась сейчас.

Легко заметить, что речь идет как бы о повторении истории с «Вехами». Конечно, я вовсе не собираюсь ставить Клямкина и Миграняна на один уровень с такими мыслителями, как Бердяев или Булгаков, но сходство выводов налицо. Самое поразительное, однако, в том, что, несмотря на критические выступления многих авторов на страницах «ЛГ», публикация Клямкина и Миграняна не вызвала даже вполовину того скандала и возмущения, который был спровоцирован «Вехами». Отвечали им по преимуществу политологи и журналисты, как будто творческой интеллигенции это не касается. Не означает ли это, что очень большая часть нашей интеллигенции уже окончательно превратилась в интеллектуалов? Увы, даже это было бы в нынешней ситуации не худшей перспективой.

Отказ от демократических идеалов и идеи «народного блага», остававшийся ключевой для старой интеллигенции, независимо от ее партийной принадлежности и еще бытовавшей в 60-е годы, означает фактически отказ интеллигенции от ее особого места в обществе как коллективного носителя морально-политических ценностей и неизбежное вытеснение ИНТЕЛЛИГЕНТА западным ИНТЕЛЛЕКТУАЛОМ, только без западной образованности и компетентности. Не став интеллигентами в русском смысле слова и не став по-настоящему интеллектуалами западного типа, мы рискуем потерять себя, став взамен НИЧЕМ.

К счастью, положение не столь безнадежно. Жалобы либералов и официальных чиновников на стремительный рост «левого радикализма» отнюдь не беспочвенны. Новое поколение интеллигенции так же не находит себе места в формирующейся системе, как и их предшественники сто или тридцать лет назад. Бунт нового поколения пока лучше выражен в рок-музыке, нежели в литературе (хотя парадоксальным образом литературный уровень текстов рок-музыки вдруг начал стремительно расти). Новые литературные имена нам, очевидно, еще предстоит узнать. А вот новые политические лозунги уже налицо. Именно молодая интеллигенция составила костяк быстро набирающего силу демократического движения, которое неизбежно должно будет взять на вооружение и традиционные социалистические принципы коллективной солидарности, самоуправления, социальной справедливости.

Возрождение интеллигенции, несомненно, может дать мощный толчок для развития литературы, хотя и в случае окончательного исчезновения интеллигенции литература не исчезнет. Просто будет разная литература. Скорее всего, сила культурной традиции достаточно велика,

чтобы она могла возродиться в новых условиях, хотя сейчас очень трудно предсказывать, в каких именно формах это произойдет. Контуры новых политических тенденций пока вырисовываются куда более явственно, нежели облик формирующихся творческих направлений.

В любом случае, впрочем, потребуется целое поколение, чтобы преодолеть нынешний кризис. Окончательный выбор между ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ и ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ еще не сделан, и очень может быть, что сегодня мы видим не смерть интеллигенции, а, напротив — начало нового этапа в ее истории. Однако возрождение возможно лишь в том случае, если мы четко отдадим себе отчет в своей социально-культурной роли и еще раз продемонстрируем способность, традиционно отличавшую интеллигентов: СПОСОБНОСТЬ ИДТИ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Трудно оставаться равнодушным, видя те мучения, с которыми Верховный Совет страны пытается распутать клубок неразрешимых противоречий идеологии и здравого смысла. Часто идя в посылках правильными путями, он перед окончательными, логически вытекающими выводами пасует, начинает метаться и вместо последовательного освобождения нити до логического конца беспорядочно дергает за петли и запутывает клубок еще больше. Невольно вспоминается пословица: «Хвост вытянешь — нос увязнет».

Не секрет, что мы приближаемся к пропасти, имея за спиной полный развал. Известно — пропасть ни в два, ни в три прыжка не перепрыгнешь. А нам предлагают многоступенчатые реформы, демонстрируют «взвешенность» и постепенность с сохранением «ценностей», давно доказавших свою порочность и абстрактность, как абстрактны вера в коммунизм или в загробный мир.

Размышляя над сущностью и перспективами нашей идеологии, я никак не мог избавиться от ощущения, что она мне что-то напоминает.

И вот озарение нашло, оно оформилось в определение, плавно перетекающее в афоризм: «идеология, как и любовь — болезнь воображения». И та и другая наделяет человека в качестве объекта воображаемыми, очень желательными свойствами и игнорирует очевидные, но процесс практического знакомства с предметом неизбежно завершается прозрением, только происходит это слишком поздно.

И поэтому я за здравый смысл, который, и только он, способен помочь нам сбросить и гири «ценностей» с ног, и жрецов «идеи», удобно устроившихся на нашей шее, никак не дающих нам сделать рывок ради спасения и оставить пропасть позади.

Я за здравый смысл и поэтому вынужден называть вещи своими именами. Хватит деликатничать там, где это уже губительно.

Обосновывая свое предложение, которое вы увидите ниже, я вынужден прикоснуться к «священной корове», одновременно напомнив читателю, что он знакомится не с колонкой редактора, а с мнением простого 37-летнего русского человека, который в отличие от известной кухарки в течение ряда лет оставляет на почте в период подписки по 200—250 рублей, не имея никаких накоплений этажом ниже, и который очень благодарен редакции «Горизонта» за предоставленную возможность осуществить свое конституционное право — обнародовать свои сомнения и предложения, которые, как ему представляется, стоит обсудить.

По профессии я коллега депутата Сухова, но очень часто, к сожалению, вынужден с ним не соглашаться. Ведь чем замечательна наша профессия — возможностью «внедрения» в самые разные коллективы, общения с самыми различными людьми, а самостоятельный характер шоферского труда позволяет иметь независимый характер.

Правда, последнее обстоятельство очень не нравится начальству, и поэтому моя коллекция довольно обширна: был и мастером трудового обучения в УПК, работал в одном из управлений ГУВД, в штаб-квартире международной профсоюзной организации, на «скорой помощи», в сборной Союза по плаванию, на контейнерных перевозках. Служил в штабе армии, а работать начал в 15 лет, что было предопределено с рождения — безотцовщина, интернат, мать на трех работах, а я четвертый, младший.

Одна черта нашего непростого времени внушает надежды — даже радио- и телекомментаторы учатся произносить: «Мне кажется», «Я думаю...» Но когда в парламенте то и дело раздается: «Так мы народ не накормим (или наоборот — накормим)» — я теряю надежду на изменения. Я-то всегда был уверен, что народ сам способен прокормить и себя, и свой парламент, только он более 70 лет лишен этой возможности.

Поэтому, пока не поздно:

пока АНТ и другие шустрые генералы и коммерсанты не распродали наше накопившееся веками достояние, от которого за 70 лет и так почти ничего не осталось;

пока нас не бросили в спасительную стихию рыночной экономики без гроша в кармане, тем самым сведя на нет заложенные в ней здравый смысл и эффективность;

пока нам продолжают навязывать решения, учитывающие что угодно, только не здравый смысл и логику, результаты которых настолько эфемерны, что ни один член нашего общества не может их «пощупать» и приложить на себя — они как-то все вытекают между пальцами, оставляя в руках пустоту, а в душах все растущую досаду и раздражение от никак не сбывающихся надежд.

Так вот, пока не поздно, я предлагаю вспомнить, с чего начались немыслимые несчастья нашего обманутого в «судьбоносном» октябре 1917 года народа, вспомнить, что нес с собой февраль того же года, но особенно важно вспомнить «великий перелом», да не по учебникам и «Краткому курсу», а лучше по рассказам людей, которые родились, как моя мать, до переворота и еще могут сравнить — что мы имели, за что боролись и на что напоролись.

В последней интерпретации главным злом нашей истории является Сталин. Сдается мне, что при всей своей одиозности он попутно выполняет полезную для наших жрецов священной коровы функцию — оттягивает на себя и позволяет нейтрализовать наши мучительные догадки, что сама идея основателей была изначально порочна, а он только логическое ее продолжение. Нереальная идея породила полную безыдейность.

Пора нам наконец чему-то научиться на своих же ошибках! Кому трудно о них вспоминать, тот найдет в публицистике последних лет горькую, но доступную теперь правду.

Кстати, из публицистики экономической можно узнать:

что советский рабочий получает по разным оценкам от 16 до 27% от заработанного, то есть меньше 70%, от чего предостерегал даже Маркс. Теперь уже сами можете вычесть из 27% «временно» введенный в свое время подоходный налог, бездетный (как остроумно!), плату за «бесплатное» жилье, налог через цены на товары и т. д.;

что около шести лет трудовой жизни человеку достаточно, чтобы полностью рассчитаться с государством за свое существование;

что накопления населения составляют 330 миллиардов как результат отложенного спроса, а бюджетный дефицит достиг 120 миллиардов рублей.

Не стану продолжать: многих страниц не хватит для перечисления фактов, с лукавым умыслом скрываемых от нас до последнего времени, и лишь ленивый или «убежденный» теперь не знает или не признает их.

С тех пор как стали обсуждать Закон о земле в нынешней его редакции, одна мысль не дает мне покоя. Она буквально стучится и требует выхода.

Суть ее лежит, казалось бы, на поверхности. Вспомним: одна из статей этого закона предусматривает возможность свободного выхода крестьянина из колхоза со своей долей земли, имущества, средств производства.

Разумно! Да. Справедливо! Конечно! И возражений по этому вопросу не слышно.

Так давайте будем последовательны до конца! Давайте перестанем пасовать и метаться! Давайте после «а» скажем «б» и тогда благополучно дойдем до последней, очень важной в этом нашем разговоре, буквы.

Давайте по аналогии с нашим крестьянином, только взглянув пошире, спросим себя: что же представляет собой сегодня вся наша страна!

Да тот же колхоз, только огромный! В который наших дедов и отцов согнали, посулив дуракам золотые горы, а умным и сулить ничего не стали — загнали с помощью дураков насильно, прогнав или уничтожив интеллигенцию и лучших хозяев, а имущество свалив в одну кучу на общую землю.

Рабочий же как был бесправен, так бесправным и остался, как бы его ни называли — гегемоном, авангардом мирового пролетариата и т. п.

Теперь над нами издеваются, упрекая: «Что вы все канючите — дайте то, дайте это... Сами вворачивайте лампочку в подъезде, вы же хозяева!..» Такой вот уровень. Или вдруг предлагают нам выкупить свои квартиры. На что!! Все мною заработанное воплотилось бог знает во что, минус 16—27% с небрежной руки для поддержки штанов. Я гол, и пресловутая рубашка, которая ближе к телу, почти атрофировалась. Моя мать, проработавшая всю жизнь,— нищая, с трудом набирающая сумму на свои похороны, хотя родилась она в 1914 году в большой семье старосты сельской общины и должна была прожить другую жизнь.

Мне заметили в одной редакции, где я показывал это письмо, что многие мои аргументы очень похожи на уже обнародованные, известные, и надо бы его с учетом этого сократить. Позвольте, от того, что буквы уже кем-то написаны, мы же не перестаем их писать! Значит, в этом есть какой-то смысл. Другой вопрос — как относиться к своему и чужому мнению. Можно с точки зрения собственника, которому очень нравится, когда хвалят его жену, но если кто-то на нее претендует... Можно с радостью, с удивлением убеждаясь, что так же, как я, думают доктора наук Николай и Гавриил Поповы, например, и наоборот.

В другой редакции меня с порога спросили, какое у меня образование! Еще раз позвольте, какое образование было у бригадира Травкина, когда он начинал свои реформы! Теперь он уважаемый депутат и, кстати, член редколлегии того издания, где задают потенциальным авторам этот вопрос. Но вернемся к нашим баранам...

Напомню известную притчу: что делает нормальный человек, заблудившийся в лесу и зашедший в болото! Он возвращается назад, на знакомое место. Так диктует все тот же здравый смысл. Только редкий кретин будет упорствовать, продолжая ломиться неверным путем, пока его не затянет с головой.

Поэтому я считаю: нам нужно, пока не поздно, принять справедливое, единственно разумное решение и вернуться к исходной точке, вернуть народу отнятые у него в процессе революции, коллективизации и отнимаемые до сих пор плоды его труда!

Сегодня, при всей разноголосице относительно того, что же мы построили, мы с удивлением единодушно констатируем, что небольшая Швеция, двигаясь нормальным цивилизованным путем, построила у себя нормальный демократический социализм, то есть находится ближе (вот ведь ирония!) к коммунизму, чем мы, провозгласившие его своей целью и ради этой цели затеявшие внутривидовой каннибализм пополам с самоедством.

На этом фоне, по меньшей мере, неискренне выглядят агрессивные обвинения ветеранов «славного пути» в стаскивании России в капитализм, который в подразумеваемом виде давно нигде не существует. Не видя для себя лично никаких перспектив, они очень хотят уйти в мир иной, не потревожив своих убеждений, которые оправдывают все, что они делали, и плюя на тех, кто останется жить после них.

Итак, попытаюсь набросать в общих чертах суть своего предложения. Технически его воплощение, судя по всему, не сложней проводимых придворными экономистами проектов и не намного «бредовее» их, другое дело, что в силу известных причин такая мысль просто не может прийти им в голову, а если и приходит, то: «Свят, свят, свят... Изыди, нечистая!..»

Начать следует с определения стоимости производственных фондов, земли, жилья и т. д., принадлежащих ныне государству. Причем не в наших идиотских, ничего, кроме потолка, не отражающих ценах, а в пропорциях цен той социальной и экономической системы, которую нам необходимо принять для дальнейшего развития (или будем продолжать изобретать велосипед!). Скажем, шведский. Для этого не чинясь можно воспользоваться помощью шведских же специалистов, одними доморощенными нам не обойтись.

Полученный результат в принятых, пока условных, цифрах разделить (а это мы умеем, пожалуй, лучше всех — отнять и разделить) на полученные по переписи населения миллионы плюс бронь для желающих вернуться эмигрантов. (Не гарантирую, что они захотят это сделать, но право на свою часть иметь должны.)

Я не хочу до обсуждения излишне детализировать, например, будут ли это миллионы людей, достигших трудоспособного возраста, или все родившиеся на момент принятия решения: ясно одно — чем меньше обойденных, тем меньше поводов для социальных потрясений и полнее мера восстановленной справедливости. Ведь не враги же мы своим детям, а любая дискриминация в отношении даже самой незначительной группы населения (предположим — отбывших срок заключения), в праве на получение, например, земли очень скоро породит батраков либо даст стопроцентный рецидив.

Однако вернемся к самой идее. Мы получили некий эквивалент в условных цифрах, которые в перспективе должны стать ведущими, причитающийся каждому наделенному избирательным правом гражданину, будь то мужчина или женщина. (Кстати, осуществим наконец провозглашенный принцип равноправия.)

Теперь остается воплотить полученную сумму в какую-то форму — в чеки или магнитные карточки, владельцы которых получают возможность, если захотят, выкупить из «общего котла» средства производства, жилье, землю или акции своих и других предприятий, колхозов, совхозов и т. д., осуществляя это только в безналичной форме, путем списания с чека цены любого из этих «товаров», определенной за ним при ревизии.

Со своей стороны, государство не принимает за эти «товары» никаких платежей в других формах, «отмытые» они или не очень.

Часть нынешних рублей обменивается по новому курсу в соответствии с ведущими цифрами, остальное, не менее 120 миллиардов, замораживается до лучших времен, с приходом которых выяснится и их реальная стоимость, и степень необходимости в них населения.

Таким образом, уже на начало процесса устраняется бюджетный дефицит и вводится конвертируемая валюта. Все.

Неужели это тот случай, про который говорят: «Дурак думкой богатеет...»!

Ведь каждый из нас смог бы спасти из общего хозяйства именно то, что необходимо именно ему, причем не абстрактно, а совершенно реально, и не в виде подарка, а как давно заработанное им самим, его родителями, дедами и прадедами.

Ведь именно к этому в конечном итоге мы и стремимся. У безликих «фондов» появится настоящий хозяин, сразу и навсегда. Те, что сейчас нерентабельны и убыточны, или расцветут, чему мы имеем уже сегодня примеры, или не дождутся вкладчиков. И то и другое — несомненное благо.

Прекратится неконтролируемая распродажа страны самими контролерами и доверенными лицами. Поскольку чек «за бугром» не отоваришь, будем стараться процветать по примеру шведов в стране, которая наконец взялась за ум и дала каждому относительно равные стартовые возможности (нет худа без добра).

В самом принципе достижения цели произойдет небольшое, но крайне важное перемещение акцентов — человек перестанет чувствовать себя вечным должником. Это позволит избавиться от позорных прописок и трудовых книжек для крепостных, паспортов образца развитого социализма, от бесконечных заклинаний по поводу сознательности и трудовой дисциплины (для меня такое понятие дисциплины стоит в одном ряду с принуждением). Спросите шведского фермера про трудовую дисциплину... Смешно!! Конечно!

Я допускаю мысль, что неизбежно некоторые слои окажутся обиженными какими-то частностями, но разве можно будет сравнить их недовольство с отчаянием тех, кого «обидели» революцией, Лубянкой, Сибирью, а многих и пулей в процессе той перестройки всей жизни с ног на голову в отдельно взятой за горло стране!! (Простите нас, ради Бога, мы-то хоть и мучаемся, но живем!)

Хочу обратить ваше внимание, насколько в свете этого предложения (а ведь оно имеет не только экономический, но и социальный заряд) упрощаются задачи истинных реформаторов в парламенте и правительстве, насколько более предсказуемыми и осмысленными становятся жизнь и чаяния избирателей (подчеркиваю — не масс, а избирателей), какое огромное напряжение оно снимет и куда направит стремления людей.

Боюсь, что в период после принятия этого решения выразители разных «политических амбиций», судя по всему вознамерившиеся снова повести нас брат на брата, вряд ли найдут себе мартышек для вытаскивания каштанов из огня. Когда свое, а не колхозное, стадо недоенное, на митинг не побежишь.

Министерский люд и прочие касты перестанут держаться за свои кресла и, не сбиваясь в «пятую колонну», займутся настоящим делом (подозреваю даже — с облегчением). Народ вынырнет из затяжного запоя и спекуляции, этого болота, затянувшего полстраны. Закон о пенсиях будет прост и лаконичен в отличие от нынешнего, где сам черт ногу сломит. В наших семьях все сразу станет на свои места, а в том, что здесь все упало, никто уже не сомневается. Дорогие наши старики снова почувствуют вкус к жизни, что примирит их с собственными детьми и внуками.

Нас перестанут бояться и ненавидеть и бывшие «враги», и бывшие «друзья» в Восточной Европе, когда мы окончательно прекратим экспорт дохлых идей, а несколько нежизнеспособных выкормышей в разных концах мира, присосавшихся к нашей груди и не способных оторваться (прямо как наши лежачие колхозы от субсидий), наконец отвалятся и станут учиться ходить, а уж какой дорогой — это их дело.

А эти... Эти конвульсии с периодами «от съезда к съезду», перемежающиеся обмороками от «успехов» в конце каждой пятилетки, сменятся наконец ровным спокойным движением в общем потоке, а я, как водитель, хорошо знаю, как опасен автомобиль, беспорядочно болтающийся из ряда в ряд, то резко тормозящий, то рвущийся на обгон.

А наши межнациональные проблемы!! Впрочем, довольно. Каждый сможет сам, взглянув под этим углом на любую проблему, увидеть, что она так или иначе становится разрешимой.

Об одном только прошу — если я не прав по существу, прошу убедительно доказать это, снять боль с души.

Потому что мне скоро сорок, и мне надоело вынужденно «шланговать», болтаясь вместе с «системой» в перевернутом состоянии. Надоело вместе с ней служить посмешищем, этаким бесплатным, только очень вооруженным цирком перед всем честным свободным миром, который, оказывается, знал о нас все, чего мы не знали: это ж сколько лет мы его смешили!

Мне жалко свою мать, себя и своих детей, обреченных на нищенство под обещания светлого будущего, под возню «интеллектуалов» из ДС, КП, СКД и многих уже других.

Я не вижу другого реального выхода из нашего положения, уверен, что рано или поздно мы придем именно к такому результату или очень похожему. Только рано — это без крови и огромных потерь, а поздно — это... даже боюсь продолжать. Видимо, учитывая ситуацию, в магазине «Прогресс» недавно «выбросили» русско-английские разговорники. Хорошо брали. Я тоже купил на всю семью. На всякий случай.

Я сознательно стараюсь говорить только от своего имени. Не стану отождествлять себя с народом, хотя имею на это значительно больше оснований, чем те старые сирены, продолжающие несмотря ни на что петь, что главное завоевание того, в чем мы живем,— это уверенность советских людей в завтрашнем дне.

Да не уверенность это была, а обреченность!

А я хочу р а б о т а т ь!!! До счастливого хруста в суставах, как работают на своих садовых участках те, кто их имеет.

Я хочу р а б о т а т ь, богатея сам и обогащая государство, которое при этом выступает лишь как регулировщик, который не указывает, куда мне ехать на моем грузовике и можно ли свистеть за рулем, а следит за тем, чтобы мои законные интересы не сталкивались с такими же законными интересами других участников движения, и наказывает тех, кто эти правила нарушил.

Я не хочу, чтобы меня обзывали «массой»! Я не хочу... Одним словом, я хочу стать обыкновенным шведом, но не в пятом пункте, а по мироощущению, и дай Бог, чтобы это время пришло с к о р е е!

Анатолий ИЛЬИН

Ирина Айзинова

«МОСКВА» И МОСКВИЧИ: ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПРИЛАВКА

Этот универмаг хорошо знают и жители столицы, и ее многочисленные гости. С утра до вечера по его торговым залам и лестничным площадкам, сплетаясь и пересекаясь, вьются очереди, огороженные стойками, не смолкает шум, иногда переходящий в крик, нередко возникает потасовка, прекратить которую можно только с помощью милиции.

Любая, даже самая простейшая покупка вырастает в проблему. По данным одного из опросов общественного мнения, каждый пятый москвич приобретает товары у спекулянтов, причем 63% этих покупок составляют одежда и обувь. Но самым тревожным и недопустимым является то, что 18% лиц, вынужденных приобретать необходимые вещи у спекулянтов, имеют доходы менее 70 рублей в месяц.

Беспомощность перед ситуацией вызывает у людей раздражительность, порождает комплекс ущербности, неуверенности и незащищенности, ведет к росту напряженности во взаимоотношениях.

Из места желанной и взаимовыгодной встречи продавца и покупателя прилавок превратился в арену их конфронтации. Демаркационной линией он разделил пространство на две области, в одной из которых теснятся жаждущие и страждущие, а в другой (со своими проблемами) — владеющие и распределяющие материальные блага, вместо того чтобы стать зоной их общих интересов. Враждебное противостояние имеет вполне определенные экономические причины и столь же определенные экономические и социальные последствия.

Дефицит и макроструктурная несбалансированность, низкое качество товаров и ассортиментные диспропорции, выходящий из-под контроля рост цен и аномалии покупательского спроса — вот те черты, которые характеризуют сегодня наш потребительский рынок.

Розничный товарооборот универмага «Москва» в 1989 году вырос на 9,9% по сравнению с 1988 годом. Но что стоит за этой цифрой? Выделенные магазину фонды составили по трикотажным изделиям всего 49,3% от заявленной потребности, по обуви и по меховым изделиям — примерно 70%. Полностью были удовлетворены заявки только по группе швейных товаров, причем лишь в стоимостном выражении. Что же касается конкретного ассортимента, то, к сожалению, положение даже ухудшилось. Так, например, московские производственные швейные объединения «Салют» и «Вымпел» сократили в 1989 году по сравнению с 1986 годом выделяемые универмагу фонды соответственно в 1,77 и 1,26 раза. А если учесть произошедший за эти годы рост цен, то совершенно очевидно, что в натуральном измерении, то есть попросту в штуках, поставки в магазин упали еще больше. Продукция этих предприятий теперь вывозится на Запад. Конечно, нельзя не приветствовать тот факт, что наша легкая промышленность стала выпускать отдельные виды изделий на уровне международных стандартов. Отрадно, что теперь где-нибудь в Голландии, ФРГ или Финляндии можно будет встретить модниц, одетых в советские пальто. Но чем хуже москвички? А кто и во что будет одевать сегодня жительниц Пензы или Псковской области, если лучшую часть своей продукции предприятия будут экспортировать? Причем туда, где с одеждой, как мы знаем понаслышке, нет проблем.

Перечень дефицита начинается бритвенными лезвиями, ставшими предметом выездной торговли, и кончается шубами из натурального меха. Отсутствие товаров и неритмичность их поступления в торговую сеть отрицательно влияет и на работу продавцов. Они или скучают около пустых прилавков и кронштейнов, или в страшной запарке еле успевают обслужить покупателей и сдержать напор рвущихся в секции. В результате персонал теряет (а иногда и не успевает приобрести) квалификацию продавцов-консультантов и превращается в наблюдателей или упаковщиков.

Надо отдать должное магазину: он предпринимает большие усилия, чтобы увеличить ассортимент товаров. Чтобы пополнить прилавки, универмаг «Москва» первым среди столичных магазинов стал сдавать в аренду торговые площади кооперативам, стал торговать кооперативными товарами. Сейчас магазин сотрудничает примерно с 350 кооперативами на взаимовыгодных условиях. Объем реализации кооперативных товаров вырос в прошлом году по сравнению с 1988 годом в 1,8 раза. Но среди доброкачественных кооперативных товаров нередко встречаются и досадные исключения.

Вообще, проблема качества непродовольственных товаров уже давно вошла в число требующих безотлагательного решения. Статистические сводки пестрят цифрами метров и штук забракованных и пониженных в сортности изделий. Потери от брака, а это не что иное, как прямое расточительство материальных, трудовых и финансовых ресурсов, еще больше усугубляют дефицит.

При этом, вопреки бытующему мнению о более высоком качестве импортных изделий, в них достаточно часто встречаются дефекты. Например, по данным отдела претензий магазина в 1988 году было возвращено 375 пар отечественной и 642 пары импортной обуви, бывших в носке и не выдержавших гарантийного срока. Причем резко сократившийся в 1989 году возврат обуви с дефектами объясняется отнюдь не возросшим качеством изделий, а усилившимся дефицитом, при котором шанс на повторную, более удачную покупку упал практически до нуля.

Но кроме соответствия ГОСТам товары должны отвечать еще и требованиям моды, современного дизайна, удовлетворять возросшие эстетические потребности людей, их индивидуальные вкусы. А как раз этой стороне качества потребительских товаров внимания уделяется пока явно недостаточно. И может быть, вместо импортного оборудования, учитывая, что оно не всегда используется на полную мощность, а зачастую просто пополняет запасы неустановленной техники, все-таки выгоднее закупать готовые товары?

Впрочем, и в импорте потребительских товаров внешнеторговые организации допускают конъюнктурные просчеты, выбирая изделия, которые плохо покупаются. Например, в самый разгар нынешней зимы магазин получил неожиданный «подарок» в виде 100-тысячной партии летних хлопчатобумажных футболок производства Перу, однотонных и бесформенных, но по цене 12 рублей. В результате подобные плохо продуманные закупки не только не сглаживают, но и усиливают ассортиментные диспропорции.

Проблемы ассортимента, естественно, наряду с количеством товаров являются центральным пунктом ежегодной закупочной кампании. Оптовые ярмарки по закупкам непродовольственных товаров демонстри-

руют, наряду с образцами изделий, и ряд проблем. Одна из них — это увеличивающийся разрыв в уровне потребительских свойств между особо модными и массовыми товарами на фоне нехватки и тех и других.

Естественно, и у производственников есть объективные трудности, прежде всего с оборудованием и сырьем. Не хватает современных красителей для головных уборов, и вместо модных ярких женских шляп на прилавок ложится унылая серо-коричневая продукция. Модные мужские шерстяные рубашки шьются исключительно бурого цвета, нет и современной фурнитуры. Отсюда несоответствие серийных изделий выставочным образцам. Однако претензии торговли к своим поставщикам чреваты печальными последствиями. «Строптивые» магазины рискуют остаться без товаров, поэтому вынуждены мириться и с нарушениями ассортиментных обязательств.

Система жесткого прикрепления к конкретным поставщикам хотя бы дает магазинам в условиях нехватки товарных ресурсов определенные гарантии, что прилавки не останутся совсем пустыми. Поэтому на данном этапе торговля не может отказаться от этой формы поставок. С другой стороны, она препятствует созданию и свободному функционированию нормального потребительского рынка. Существующее «Положение о поставках товаров народного потребления» усиливает диктат производителя и в части возможного несоблюдения договорного ассортимента, что создает благоприятные условия для нарушения дисциплины поставок.

Понятно, что такие взаимоотношения торговли и промышленности исключают возможность глубокого внедрения маркетинга как целостной системы планирования производства и продвижения товаров на рынок. Страдающей стороной оказывается покупатель.

Разумеется, в универмаге «Москва» занимаются изучением спроса населения. Данные проведенного учета отправляются в лабораторию по изучению и прогнозированию спроса и конъюнктуры торговли Мосгорторга, обрабатываются там, и на основе их изучения составляются рекомендации, которыми магазин мог бы руководствоваться в коммерческой деятельности. Однако ощутимого эффекта это дать не может, поскольку торговля фактически не располагает рычагами оперативного воздействия на своих поставщиков.

Все большую остроту приобретает вопрос о ценах на потребительские товары. В прошлом году выпуск изделий, реализуемых с надбавками к розничным ценам, возрос на 11% и составил 37% от общего объема производства промтоваров.

Предприятия легкой промышленности, перешедшие на хозрасчет, широко используют договорные цены для улучшения финансового положения и повышения оплаты труда своих работников. Второй из договаривающихся сторон — торговле — уровень цен практически безразличен: во-первых, в условиях нехватки товаров раскупается все, во-вторых, она, по существу, не имеет возможности воздействовать на цены. Более того, объективно торговля заинтересована в росте цен: пока основным показателем ее деятельности является объем товарооборота, план по нему легче и быстрее можно выполнить, торгуя дорогими товарами, и при меньшем их количестве. Договор промышленности и торговли, который можно назвать и сговором, осуществляется за спиной потребителя, который ставится перед фактом растущих цен. При этом увеличение цены далеко не всегда сопровождается соответствующим приращением потребительских свойств изделий. Росту средней цены покупки способствует также торговля импортными товарами и приток на прилавки кооперативных изделий. Термин «вымывание дешевого ассортимента», употреблявшийся раньше только в кругу специалистов, сейчас понятен любому покупателю: дешевые товары исчезают или уже исчезли с прилавка у него на глазах.

Усиливающийся дефицит и рост цен, недостаточное качество изделий и ограниченный ассортимент — каждый из этих факторов по отдельности и вместе взятые не могут не отражаться на поведении покупателей, лишенных возможности нормального выбора товаров в соответствии с собственным вкусом и доходами. Страх перед дефицитом порождает ажиотажный спрос, провоцируя покупателя делать запасы. По официальным данным, потребительский запас мыла и моющих средств составил в 1989 году пятую часть годовой реализации. В универмаг «Москва» фактически было поставлено почти в 2,3 раза больше импортного туалетного мыла по сравнению с выделенными фондами, а товарооборот по продаже всех видов туалетного мыла вырос на 83,4% по сравнению с предыдущим годом.

Отсутствие в продаже нужных изделий вызывает либо вынужденные покупки, либо деньги населения «оседают» в виде излишних сбережений. Все это усиливает несбалансированность потребительского рынка. Изучая в таких условиях потребительское поведение, мы не можем выявить фактический неудовлетворенный спрос и получаем искаженную картину, рискуя продлить в будущее имеющиеся в настоящем диспропорции.

Для того чтобы люди с различным уровнем доходов могли удовлетворить свои потребности, все виды товаров должны выпускаться по разным ценам: и дорогие и дешевые. Поскольку это не делается, в первую очередь страдают, конечно, низкодоходные слои населения. Приказ Мосгорторга № 221 от 4 мая 1989 года обязывает магазины иметь в продаже товары по социально низким ценам. Но заявки на поставку дешевых товаров систематически не выполняются. Во-первых, это невыгодно, во-вторых, из-за возросших цен на сырье предприятия-поставщики не соблюдают установленные им предельные цены, например, на товары для пожилых. Это неблагоприятно отражается и на среднедоходных слоях населения: легкая промышленность игнорирует их интересы, переключаясь на изготовление дорогих изделий за счет сокращения выпуска товаров массового спроса. В результате люди со средними доходами вынуждены приобретать более дорогие, чем им это нужно, изделия, что подрывает их семейный бюджет.

С другой стороны, не удовлетворяются потребности высокодоходных групп населения в высококачественных дорогих вещах. Отсутствие необходимого разнообразия цен затрудняет контроль за соблюдением так называемой «социальной адресности» выпускаемых товаров, то есть попадание товаров тем, кому они предназначены. Так, легкая промышленность с помощью торговли властвует над потребителем, вынуждая одних жить не по средствам, а другим не предоставляя возможности истратить заработанное.

Одной из мер по упорядочению торговли в условиях дефицита стала продажа товаров, пользующихся повышенным спросом, непосредственно на предприятиях и в учреждениях или в самих магазинах, но по приглашениям. Распродажа прочно вошла в нашу жизнь и уверенно вытесняет обычную торговлю (в полном смысле этого слова). Тот же универмаг «Москва» в январе нынешнего года по сравнению с январем прошлого реализовал «на выезде» в 1,6 раза больше товаров. Отбросив эмоции, надо попытаться объективно оценить сиюминутные выгоды и отдаленные последствия такой практики и попытаться ответить на вопрос, что же такое выездная торговля: благо или зло?

Прежде всего приходится признать, что в основе этой формы торгового обслуживания лежит первоначальное деление всего населения на «допущенных» и «недопущенных», и ни для кого не секрет, что последних больше. А как быть тем, кто в день выездной торговли был болен или в командировке, кому было нужно не то, что продают, а совсем другое, или что-то не подошло по размеру, фасону, расцветке, у кого в нужное время не оказалось денег, наконец, тем, кто и в прикрепленной организации не стал счастливым обладателем заветного талона? Как быть остальным, «неохваченным»? Известно также, что в некоторых организациях в первую очередь «отовариваются» дирекция и профком.

Из статьи в статью кочует и каждый раз заново ошеломляет колоссальная цифра потерь, вызванных ожиданием в очередях для покупки товаров. Но никто еще не подсчитал потери рабочего времени, связанные с распродажами.

Рассматривать выездную торговлю как форму приближения товара к покупателю можно лишь с большой натяжкой. Во-первых, «приближать» надо к месту жительства, во-вторых, в нерабочее время и, в-третьих, в дополнение к обычной торговле, а не взамен нее.

Для самой торговли выездная форма тоже не так выгодна, как может показаться на первый взгляд. Товары надо специально сортировать, упаковывать, снова разбирать перед продажей. Торговать приходится в неприспособленных условиях, продавцам часто негде отдохнуть и пообедать. А жалобы недовольных, а хлопоты по согласованию ассортимента? Непроданные товары надо опять упаковать и отвезти обратно в магазин. Это невыгодно: замедляется оборот товарных ресурсов и при накапливании на складе товаров специально для продажи «на выезде» и при возврате нереализованного. Факты свидетельствуют и о том, что в некоторых магазинах непроданные товары не возвращаются обратно, а становятся добычей спекулянтов, пополняя «черный рынок».

Прикрепление предприятий и организаций к магазинам производят исполкомы районных Советов депутатов трудящихся. Казалось бы, здесь на деле народная власть осуществляет принцип социальной справедливости, выделяя лучших и реализуя ленинское положение о том, что ударный труд должен поощряться ударным потреблением.

Однако парадокс заключается в том, что ни о каком «ударном», т. е. «сверхпотреблении», не идет и речи. Магазин «Москва», так же, как и другие, торговал «на выездах» отнюдь не предметами роскоши, а товарами текущего и повседневного спроса: мужскими сорочками и бритвенными лезвиями, обувью и спортивными костюмами, платьями и косметикой. Исходя из установленного «на душу» норматива для выездной торговли 250—300 рублей на год, не пороскошествуешь. При этом надо помнить и о том, что норматив отражает лишь среднюю цифру. А так как ассортимент товаров, предлагаемых разным организациям, весьма различается между собой, то становится совершенно ясно, что если кто-то имеет возможность приобрести товары на сумму, допустим, в 750 рублей, то двое других не купят уже ничего.

В основе любого нормирования лежит необходимость наилучшим образом распределить ограниченные ресурсы. Но когда в орбиту такого распределения попадают товары повседневного спроса, оно неизбежно становится уравнительным. А это подрывает заинтересованность в увеличении трудовой активности во всех сферах экономики, в том числе и в производстве предметов потребления. Круг замыкается.

С общеэкономической точки зрения организация выездной торговли означает не что иное, как создание очередного канала так называемого статусного потребления, т. е. такого потребления, возможность кото-

рого определяется не размером дохода (оплаты по труду, пенсии, пособий и пр.), а принадлежностью к определенной категории. Вообще, выездная торговля является не торговлей в прямом смысле этого слова, предполагающей в первую очередь свободу потребительского выбора, а формой распределения. Причем распределения не равнодоступного, а «спецраспределения», ограниченного по кругу включенных в него людей и предлагаемых товаров, и в известной мере принудительного по принципу «не купил то, что привезли, рискуешь не купить вообще ничего». И от того, что талоны мы будем стыдливо именовать приглашениями, а принудительные наборы — предварительными заказами, суть не изменится.

Известно, что до половины всех товаров, поступающих в московские магазины, вывозится за пределы города командированными и гостями столицы. Но вместо предотвращения миграции денег и товаров экономическими мерами, т. е. путем увеличения производства и более равномерного перераспределения товарных ресурсов по всей территории страны, утечке товаров из Москвы ставится административный заслон в виде выездной торговли. По своей сути она, так же, как и введенные в некоторых городах визитные карточки, ничем не отличаются от прямых таможенных барьеров между регионами.

Но если мы хотим создать единый потребительский рынок с равной для всех покупательной способностью рубля, то ни организация новых спецканалов потребления, ни ограничение доступа к нему по принципу места жительства этому не способствуют. Наоборот, изъятие из свободной продажи значительных товарных ресурсов сужает емкость и без того дефицитного рынка, а искусственное ранжирование покупателей препятствует нормализации денежного обращения. Поэтому даже те, кого сегодня устраивает такая форма торговли, не подозревая об этом, обрекают себя на будущие потери, связанные с рыночными деформациями.

Таким образом, провозгласив курс на развитие рыночных отношений во всех звеньях народного хозяйства, мы свертываем рынок (пусть деформированный и несбалансированный) там, где он все-таки был — в потребительском секторе экономики. Тупиковость же ситуации заключается в том, что под давлением всемогущего дефицита становится необходимым брать под социальную защиту большие категории людей: престарелых, детей, молодежь и не перекрывать существующие, а создавать новые «закрытые» каналы распределения. В настоящее время в торговом обслуживании москвичей существует свыше 20 видов различных льгот. И тот, кто их не имеет, оказывается человеком 25-го сорта? Кроме того, понятно, что, чем разнообразнее льготы, тем больше возможностей для злоупотреблений.

Проблемы потребления и заботы потребителей связаны с торговой деятельностью универмага и концентрируются в основном с внешней стороны прилавка. По другую его сторону существует свой, невидимый рядовому покупателю круг проблем.

Внутренние проблемы магазина — это в значительной мере проблемы работающих женщин (они составляют 93% персонала). «Москва» открыта с 8 до 21 часа, и подавляющее большинство продавщиц работает в две смены: рано начинающуюся и поздно кончающуюся, с рабочей субботой, с частыми переработками в воскресенье и предпраздничные дни. Это отрывает женщину от семьи, создает дополнительные трудности в быту. Чтобы их в какой-то мере компенсировать, в универмаге создана система социально-бытового обслуживания: открыты столовая на 100 посадочных мест, буфет с торговлей полуфабрикатами, кафете-

рий, работники получают продуктовые заказы. В помещении магазина есть парикмахерская, медпункт, библиотека, комнаты отдыха и психологической разгрузки, комната здоровья, душевые.

Однако забота о бытовой стороне жизни сотрудников не заслоняет проблем с условиями труда на рабочем месте. Женщинам приходится дышать горячими испарениями в гладильной и пылью, ворсом и химикатами в складах меховых изделий, мыла и кожгалантереи, глотать выхлопные газы на пандусе, принимая грузовики с товаром, и толкать тяжелые контейнеры. Наконец, просто при стоячей работе необходима специальная обувь, предохраняющая от варикозного расширения вен — одного из самых распространенных заболеваний работников прилавка. Вторым по частоте заболеваемости у работников торговых залов, к сожалению, являются нервные расстройства, связанные с напряженным ритмом работы, большими психическими нагрузками, и если проследить всю цепочку причин от конца к началу, то в ее истоках обнаружится все тот же дефицит и вызванные им спады, перебои и авралы.

С 1963 года, когда был построен магазин, он несколько раз подвергался частичной реконструкции, но по-прежнему не хватает средств малой механизации. А о компьютеризации торгового процесса, начиная от поступления товара и кончая его продажей, приходится только мечтать. К слову сказать, это сдерживается не только отсутствием соответствующей техники в магазине, но и тем, что его поставщики не обеспечивают полагающуюся маркировку товаров.

Финансовые возможности универмага тоже, к сожалению, не могут быть полностью реализованы. И замыслы расширить ассортимент и торговать товарами культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, электро- и радиотоварами, коврами наталкивается на нехватку товарных ресурсов, не обеспечивающих потребности даже специализированных магазинов. Можно было бы увеличить и объем дополнительных платных услуг населению.

Определенные сложности имеются в установлении контактов с зарубежными партнерами. Для прямого обмена товарами с каким-нибудь крупным универмагом в столице одной из социалистических стран «Москве» сейчас просто нечего предложить. Имеется возможность заключить соглашение с рядом инофирм из капстран, которые заинтересованы в продаже своих товаров на советские деньги. Так, например, Индия предлагает мужские сорочки и трикотаж. Из ФРГ могли бы поступать столь дефицитные сейчас миксеры, кофеварки и кофемолки. Универмаг мог бы с выгодой продавать за рубеж и отходы: стружку из ценных пород древесины, которая остается от упаковки посуды, использованный полиэтилен. Однако на пути этих прямых сделок стоят внешнеторговые организации, которым невыгодно выпускать из рук возможное посредничество. Поэтому перспективы быстрого и ощутимого притока товаров на прилавок весьма проблематичны.

Отсутствие свободы коммерческого маневра и возможности распоряжаться заработанными средствами по собственному усмотрению, естественно, сдерживают рост товарооборота, от планирования которого можно было бы совсем отказаться, чтобы обеспечить необходимую гибкость и оперативность действий. Это — вопрос будущего не только универмага «Москва», но и всей торговли. Переход отрасли от формальных хозрасчета и самофинансирования к подлинным, когда торговля будет покупать и реализовывать товары на свои собственные средства, на свой страх и риск, и будет одним из шагов к созданию нормального потребительского рынка.

Владимир Скребицкий

УЛИЦА ЧКАЛОВА, 16/14

Заметки очевидца

Да, именно по этому адресу происходит то, о чем хочу рассказать, чему сам был свидетель, куда и вас хочу пригласить, чтобы увидели вы не снежного человека, не змия о трех головах, но существо многоголовое, извивающееся, вопящее: очередь перед Внешэкономбанком — единственное в Москве, да, кажется, и во всей стране, место, где советский человек может получить заработанную им валюту.

Путь недалек: метро «Курская», подземный переход через улицу, два квартала направо, и вот уже перед вами толпящийся народ, и чей-то разгневанный голос восклицает, что «сколько же можно над людьми издеваться; разве нельзя операции эти производить в двадцати, тридцати банках Москвы», но только эхо толпы отвечает ему. И слово «бардак» взвивается над перекрестком улицы Чкалова и переулка Гайдара и повисает, как черная звезда,— свидетель смуты и беспорядка, и думается мне, что едва ли эти замечательные люди — Чкалов, Гайдар — мечтали, чтобы именем их назывались улицы, где раздаются такие вопли, повисают такие слова.

Стекаются на этот перекресток люди со всей страны, проводят здесь дни, а порой и ночи, отмечаются в семь тридцать утра и в пять вечера, негодуют, возмущаются, уходят и вновь возвращаются, ибо хочешь свои денежки из банка забрать, так неделю, будь добр, выстои.

Были, правда, даны разъяснения в центральной печати. Сам не читал, но люди в очереди говорили, что какой-то высокий начальник выступал то ли в «Аргументах и фактах», то ли где-то еще. И объяснение дал вполне ободряющее: мол, не волнуйтесь, друзья, все образуется, еще не вечер. Ну не дает пока Мосгорисполком другого помещения, что ты будешь делать, не застрелиться же! Подождите маленько, все наладится. Ведь не мешки таскаете, а за валютой стоите. И стоите не в духоте, а на свежем воздухе, не в каком-нибудь забытом Богом месте, где глаз ничто не радует и смотреть-то вокруг не хочется, а в центре Москвы, на Садовом кольце; и шумит вокруг вас прекрасный наш город. Сколько здесь всего замечательного: театры, рестораны, концертные залы, да всего не перечесть. Неделя пролетит, как прекрасный сон. Стойте на здоровье и не падайте духом.

Но разъяснение это все же не всех устраивает, и порой вспыхивает негодование, закипают страсти. «Да сколько же это можно терпеть?! Давайте соберемся, напишем, пойдем! Все вместе...» Но как закипают, так и остывают, и стихают голоса, и расходятся крикуны, и замечает уже кто-то, что не так уж тут плохо, и чем на работе сидеть, можно и здесь время скоротать. Начальству виднее.

Очередь сама себя регулирует, сама перекликает, сама выстраивает, сама выбирает старших, доверяя им оберегать вход в заветную дверь, перед которой, тесня друг друга, толпятся страждущие, и, проникнув за которую, ты окажешься по ту сторону суеты людской: и никто тебя не остановит, никто не проверит, зачем идешь, назад не выведут, ты уже — сам себе хозяин.

Но как проникнуть туда, не отстояв неделю? Вот в чем вопрос.

Многим это все же удается. И те, кто выходят из святилища, сообщают, что у кассы толпятся люди, которые в этой очереди никогда и близко не стояли. Проникают туда, хотя стоят у двери «стерегущие дом» — пятьдесят человек, которым суждено пройти сегодня, разбитые по пятеркам (как у Петруши Верховенского), знающие друг друга в лицо и следящие, чтобы чужак не проник в их ряды. И тем не менее идут чужаки, идут мимо них, показывают какие-то документы, называют какие-то фамилии. А уж ежели ты в мундире да со звездочками — кто же тебя остановит.

Бывают, правда, и казусы. Вот какой-то товарищ — как с луны свалился, идет себе прямо к двери и бумажки какие-то уже из кармана вынимает.

— Вы куда?

— Да мне деньги со счета снять...

— А мы зачем стоим?

— Так здесь очередь, что ли?

— Да.

— Ничего себе. А последний кто?

— Последний! Ты приходи к пяти часам, здесь перекличка будет и запись, тогда узнаешь, кто последний.

— И сколько же стоять?

— Да мы вот седьмой день стоим.

— Как седьмой? Я из Новосибирска, мне и ночевать-то негде.

— Твои проблемы...

Но не все так печально, случаются и радости. Например вот. Ясно, что не должно быть этой очереди — нелепо, ненатурально это. Но коль скоро она есть и ты в ней стоишь, то когда она вдруг начинает двигаться быстрее, то невольно испытываешь облегчение и прилив бодрости. А тут еще благая весть разносится: с трех часов будет работать не одна кассирша, а целых две. Такое ликование начинается — люди из очереди с прохожими братаются.

И для того, кто любит наблюдать «комедию нравов», провести в этой очереди... ну, неделю, конечно, это чересчур, но целый день, с утра до вечера, интересно и поучительно. Чего здесь только не услышишь! На какие человеческие типы не насмотришься! Вот, например, миротворец. Высокий, крупный, седоватый мужчина, одет просто, без причуд, верхняя пуговка на рубашке расстегнута, и речь его тоже простая, без причуд: «Главное, товарищи, не теряйте терпения, не нервничайте, не суетитесь. Смотрите, вот уж и лето наступило. Правда, дни сейчас стоят прохладные, но на той неделе уже потепление обещают. Еще немного терпения, и лето пройдет, начнется осень, затянет небо, польют дожди. Но и это не навечно. Пройдет осень, настанет зима, морозы ударят, всех командировочных как ветром сдует, никакой очереди не будет. Вот тут и приходите: вкладывайте, снимайте, все ваши операции за пятнадцать минут провернете. А сейчас потерпеть надо немного, ничего страшного».

Но бывает и иначе — берутся за грудки. Не часто — публика в основном приличная, многие за границей работали, на своих машинах приезжают, одеты модно: куртка, не на фабрике «Большевичка» пошитая, но с эмблемами, с застежками, брюки и юбки «вареные»,— но берутся, потому что все это не помеха, когда...

— Да где вы стояли?! Вы нас за дураков считаете?! Нет, не уберу руки! Нет не пройдете!

Да, берутся и за грудки... И все же, стоя в этой очереди, убеждаешься, что народ наш приветлив и добродушен.

Вот молодая женщина, держа за руку мальчика, пытается войти в дверь:

— Мы на минутку, мы отца с ним потеряли; он недавно здесь был, а сейчас, наверное, уже внутрь вошел.

А ей из очереди:

— Да нет у него никакого отца.

— Ну как же нет?! Только что был. Наверное, там, на втором этаже.

— А мальчик этого отца когда-нибудь в глаза-то видел?

— Конечно, видел.

— Ну вот пускай он туда пройдет и поищет отца, а вы, девушка, пока с нами постойте.

Или вот блондин в белом свитере бьет себя в грудь и вопит:

— Товарищи, войдите в положение — у меня самолет через три часа! Вот билет! Ну не могу же я без денег улететь...

— А где же ты раньше-то был?

— Да говорю вам, рейс переменили. Послезавтра должен был лететь. Я уже пять суток отстоял и еще бы постоял, но так получилось.

— А почему вчера вечером не пришел, не записался в льготную очередь?

— Так сегодня утром только переменили.

А ему из очереди:

— У всех рейс переменили.

— У всех прибор под током.

— У всех ребенок один дома.

— Проси очередь.

Просить очередь — значит ставить себя в положение жалкое и унизительное. Лучше вон как тот здоровый детина, на вид слесарь-водопроводчик, идет прямо к двери, не обращая внимания на всю эту кутерьму.

— Вы куда, гражданин?

— Я по другому делу.

— По какому другому делу?

— По другому, не по вашему. Свои у меня заботы. Через три минуты назад выйду. Хотите, со мной пройдите.

И руки опускаются. И только что грозные стражи двери разевают рты и расступаются.

Случилось так, что через какое-то время очередь моя подошла, и я оказался внутри того здания, у окошка, за которым сидит единственная в Москве (вторая касса еще не заработала) красавица кассирша. А у столика перед кассой среди прочего народа стоял и тот самый, с виду водопроводчик, спокойно пересчитывая полученные денежки.

— Так-то вы по другому делу сюда вошли,— сказал я, стараясь вложить в голос свой как можно больше ехидства. Он посмотрел на меня нагло и высокомерно:

— Да, у меня здесь свои дела. Я деньги со счета снимаю. А это за чем очередь? Телевизоры, что ль, оплачивать?

Так вот, наверное, и надо поступать, так и надо жить. Но не все умеют.

Чего здесь только не увидишь.

Но милиции не видать. Очередь как бы сама возложила на себя миссию охраны порядка и осуществляет ее, согласно своему разумению. Может, так и лучше. Но все же рассказывают, что как-то на днях, когда уже стемнело, неожиданно появилась милицейская машина. Завыла сирена, заметался голубой огонь, и ясно стало — неспроста все

это, сейчас произойдет что-то. И замерли люди, и насторожились, и затрепетали. Но не произошло ничего. Повыла сирена, пометался огонь, и машина как приехала, так и уехала. Видимо, следовало это понимать, как знак того, что всевидящее око закона не дремлет, что незримо, но зорко хранит оно ту дверь заветную, то окно красное, ибо только в нем свет, и весь свет белый на этом окне клином сошелся...

Я написал эти строки прошлой весной, когда стоял в очереди во Внешэкономбанк, под непосредственным впечатлением увиденного и пережитого. Написал и хотел послать в какой-нибудь журнал или газету: может, люди прочтут и задумаются над превратностями нашей жизни, кто-нибудь загрустит, а кто-нибудь скажет со злорадством: «Валюту получить захотели — ничего, постоите». Но случилось так, что волны суеты житейской жизни захлестнули меня, я отвлекся, и очерк этот так и остался лежать у меня в столе. Несколько раз, перелистывая бумаги, я натыкался на исписанные страницы, но думалось мне: что прошлое ворошить, что было — то прошло, вот уж снова май на дворе.

А тут как-то на днях случилось мне побывать в тех краях. Дошел я до угла улицы Чкалова и переулка Гайдара, и глазам своим не поверил. Не может быть! Как будто вчера это видел: та же очередь, да и люди вроде бы те же. Ну и ну! Нет, не поблек сюжет, не выцвели краски, не нашел исполком другого помещения; видимо, и вправду на углу этом свет клином сошелся. Стоял я и дивился: вот оно очевидное — невероятное. Чтобы посмотреть это, стоит из дальних краев в Москву приехать. А вы, москвичи, тем более не поленитесь, как знать, может, завтра существа этого уже не будет, но пока оно живет и дышит, приходите поглядеть: ни в одной цивилизованной стране, я думаю, вы этого не увидите. Ей-Богу, не пожалеете.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ДОМЫСЛАМИ НЕЛЬЗЯ СНЯТЬ «ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ГЛЯНЕЦ» С ИСТОРИИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

1 октября 1989 года исполнилось сорок три года со дня окончания самого крупного судебного процесса в истории человечества, в итоге которого был вынесен приговор по делу главных немецких военных преступников. За прошедшие годы процессу посвящена обильная, особенно на Западе, литература. Тем не менее, по вполне понятным причинам, публикации, посвященные истории Нюрнбергского процесса, продолжают сохранять актуальность. Однако обязательным требованием, предъявляемым к ним, является серьезный и вдумчивый анализ достоверных фактов, на которые они опираются, и взвешенность их оценок. Только при таком подходе может быть соблюдено марксистское положение: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»[1].

С этим положением резко расходится статья В. Абаринова «В кулуарах дворца юстиции», опубликованная в журнале «Горизонт» № 9 за 1989 год. В этой статье с автором можно согласиться лишь в одном. Он прав, когда критикует советское издательство «Юридическая литература» за то, что оно до сих пор «волшебным образом» умудрилось уместить официальные материалы Нюрнбергского процесса сначала в двухтомнике, затем в семитомнике, а сейчас пытается сделать это, публикуя восьмитомное издание. Необходимо отметить, что на основании решения Международного военного трибунала, вынесенного еще в марте 1946 года, на Западе давно опубликовано на нескольких языках 42 тома, вобравших полностью протоколы процесса и материалы, принятые трибуналом в качестве доказательств.

Уверены, если бы в нашей стране материалы процесса были опубликованы пол-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч, Т. 1. С. 7, 8.

ностью, то статья Абаринова, основанная на кулуарных пересудах, некритическом восприятии некоторых западных источников, тенденциозном толковании отдельных положений из архивных материалов и, главное, умело срежиссированная сыном покойного Н. Д. Зори — Юрием Николаевичем, который с маниакальной настойчивостью пытается доказать, что его отец пал жертвой «заговора», просто не смогла бы, даже в нынешней ситуации, появиться на свет. В ней умолчание о существенных фактах, искажение правды начинаются почти с первых строк. Представляя Ю. Н. Зорю, автор аттестует его только как «капитан-инженера 1-го ранга в отставке». По такой куцей информации у читателя обоснованно складывается впечатление, что Ю. Н. Зоря в прошлом был офицером, занимавшимся в Военно-Морском Флоте решением каких-то инженерных проблем. Между тем до выхода в отставку он был офицером военной разведки, принадлежность к которой и определяла его род занятий на флоте. Ясно, что, сообщи Абаринов такую деталь из биографии Ю. Н. Зори, все последующее в статье уже иначе воспринималось бы читателем. Ю. Н. Зоря не только «поскромничал» по поводу своего прошлого, но и прошлого отца. На с. 647, 648 первого тома сборника материалов Нюрнбергского процесса, опубликованного в 1987 году, помещена биографическая справка о Н. Д. Зоре, предоставленная в издательство «Юридическая литература», как мы полагаем, не без ведома Юрия Николаевича, который с присущей ему настойчивостью уже успел прочно войти в доверие к сотрудникам редакции. Если бы Абаринов удосужился заглянуть в эту справку, то заметил бы весьма существенный пробел в биографии Н. Д. Зори. Из справки видно, что с первых дней Великой Отечественной войны Н. Д. Зоря находился в действующей армии в качестве помощника прокурора фронта, заместителя прокурора фронта и прокурора армии. А вот о том, чем занимался Н. Д. Зоря с 1927 года, когда он окончил юридическое отделение факультета общественных наук МГУ и до начала Великой Отечественной войны, в справке нет ни единого слова. И не случайно. Дело в том, что в эти годы он работал в Прокуратуре СССР, а в разгар сталинских репрессий в 1937—1939 годах являлся прокурором по надзору за следствием в НКВД. Естественно, в этом качестве он был хорошо знаком с Л. Р. Шейниным и М. Ю. Рагинским, которые в эти годы были следователями по важнейшим делам Прокуратуры СССР, возглавлявшейся А. Я. Вышинским. Теперь известно, что Шейнин и Рагинский участвовали в допросах членов так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра»[1].

В свете этих фактов, достоверность которых поддается проверке, вывод Абаринова о том, что биография Н. Д. Зори «не совпадает с биографией других советских обвинителей: все они были сотрудниками Прокуратуры СССР, давно знали друг друга, притерлись» и что он был «человек не их круга», является несостоятельным и целиком базируется на дезинформации, которой, по нашему мнению, снабдил его Ю. Н. Зоря. Уж во всяком случае, «притереться» к Л. Р. Шейнину и М. Ю. Рагинскому у Н. Д. Зори было достаточно времени. Нельзя не обратить внимание и на, по меньшей мере, неуважительный тон, который допускает автор статьи, характеризуя взаимоотношения между отдельными представителями советского обвинения. Если ему верить, то все они «находились в спайке, все были свои. Все, кроме Зори». Получается, что советские обвинители прибыли в Нюрнберг не с единственной целью — достойно представлять СССР в Международном военном трибунале и приложить максимум усилий к тому, чтобы главным немецким военным преступникам был вынесен основанный на доказательствах справедливый приговор, а с какой-то другой, темной целью, ради этого «спаялись», «стали своими» и не позволяли «спаяться» и «стать своим» только Н. Д. Зоре. Иначе как оскорблением памяти Р. А. Руденко, Ю. В. Покровского, Л. Н. Смирнова и других ушедших из жизни и оскорблением чести оставшихся в живых представителей советского обвинения назвать это утверждение невозможно. Однако на основании необъективной информации о прошлом Н. Д. Зори автор приходит к ложному выводу о том, что Н. Д. Зоря был среди «советских обвинителей чужеродным элементом».

Увлекшись этой ложной идеей, автор, противореча себе, пытается далее доказать, что Н Д. Зоря обладал такими особыми полномочиями В. М. Молотова, которых не было у Руденко и других обвинителей. А где доказательства! Их источник тот же — Ю. Н. Зоря, предоставивший автору «чудом уцелевшую записку» его отца из семейного архива. Процитировав ее, автор ничтоже сумнящеся пишет: «Зоря был направлен Вышинским в Лондон для консультации с Молотовым. Невозможно представить, что Зоря не обсуждал с Молотовым проблему «нежелательных» вопросов. То есть он был единственным советским обвинителем, который получил инструкции непосредственно от министра иностранных дел». Приведенное утверждение противоречит всякой логике. В одном месте автор безапелляционно утверждает, что Зоря не смог «притереться» к остальным обвинителям, поскольку будто бы раньше не работал в Прокуратуре СССР, а в другом пишет, что Вышинский, якобы не имевший возможности близко знать Зорю, вдруг воспылал к нему особым доверием и послал его в Лондон для получения каких-то особых инструкций у Молотова. Все доказательства того, что такой «факт» имел место, автор свел к утверждению «невозможно представить». Невозможно — и все! Поэтому не смей сомневаться в том, что Н. Д. Зоря «был единственным советским обвинителем, получившим инструкции от министра иностранных дел».

[1] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 41.

Из процитированной автором «Записки» явствует, что кроме него в делегацию, летавшую в Лондон, входило еще пять человек. Если Н. Д. Зоря летал в Лондон для получения «особых полномочий» у Молотова, то с какой целью прилетали туда остальные пять человек! Известно, что в упомянутый в записке период первым заместителем Молотова был Вышинский. Неужели у Молотова были более доверительные отношения с Н. Д. Зорей, которого он едва ли знал лично, нежели со своим первым заместителем! Наконец, известно, что официальным руководителем советской делегации на Нюрнбергском процессе был К. П. Горшенин, являвшийся в то время Генеральным прокурором СССР. Какой же смысл Молотову давать какие-то инструкции одному из семи помощников Главного обвинителя от СССР, а не К. П. Горшенину или, на худой конец, Р. А. Руденко либо его заместителю Ю. В. Покровскому! Ответов на поставленные вопросы в статье нет, да они, по всей видимости, автору и не нужны, поскольку он задался неблаговидной целью подвести читателя к выводу, который сделан в конце статьи, недвусмысленно заявив, что Н. Д. Зоря был насильственно устранен из жизни. С этой целью он пытается использовать выдержки из воспоминаний Альфреда Зейдля [1], защищавшего на процессе подсудимых Гесса и Франка. Напомним, что после того, как на допросе Риббентропа 1 апреля 1946 года Р. А. Руденко выступил с протестом против попытки Зейдля задать подсудимому вопросы, связанные с заключением договоров между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 года, Зейдль якобы по совету английского обвинителя Максуэлла-Файфа пытался встретиться с Р. А. Руденко и попросить его «найти возможность внести в число доказательств на процессе оба документа с согласия советского обвинения». Весьма сомнительное утверждение, поскольку Зейдль уже знал твердую позицию по данному вопросу Р. А. Руденко. К тому же Зейдлю было известно и о том, что принять тот или иной документ в качестве доказательства — это исключительная прерогатива трибунала. Позиция обвинения или защиты в данном случае решающего значения не имела. Еще до этого трибунал отклонял ряд документов, представленных как обвинением, так и защитой.

В процитированных автором воспоминаниях Зейдля есть и другие несообразности, мимо которых не может пройти вдумчивый исследователь. К примеру, кто же рекомендовал Зейдлю пройти в кабинет Н. Д. Зори! Зейдль пишет, что в ответ на просьбу встретиться с Руденко его секретарша ответила: «Генерала Руденко нет, но вы, если хотите, можете поговорить с господином генералом Зорей». Кто же рекомендовал Зейдлю поговорить с Зорей — генерал Руденко, «которого нет», или его секретарша! Далее. Если исходить из того, что Зоря действительно беседовал с Зейдлем, то на каком языке они объяснялись! Ведь Н. Д. Зоря не знал ни немецкого, ни английского, ни французского языков, а Зейдль не владел русским. Наконец, принимая как истину факт посещения Руденко Зейдлем, автор почему-то не проверил это путем опроса секретарши Руденко, которая жива и в настоящее время и заявила, что она разговор между Зейдлем и Зорей не переводила, поскольку немецким языком не владела. Наконец, что же нового услышал Зейдль от Н. Д. Зори, заявившего, что «нет никакого предмета для подобного разговора»! Зоря выразил ту же позицию, которую занимал Р. А. Руденко в судебном заседании 1 апреля 1946 года и на других заседаниях, когда возникал вопрос о содержании советско-германского пакта и секретных протоколах к ним. Тем не менее автор с упорством, достойным лучшего применения, ищет какой-то потаенный смысл в том, что секретарша рекомендовала ему обратиться не к заместителю Руденко, а к его помощнику. Это упорство, с одной стороны, объясняется полной некомпетентностью автора в «этике» аппаратной работы, а с другой, и это главное, искусственно увязать описанный эпизод с дальнейшей судьбой Н. Д. Зори, с тем чтобы найти козлов отпущения среди оставшихся в живых членов советской делегации.

Почти без всяких обиняков Абаринов пишет о том, что устранить из жизни Н. Д. Зорю могла «команда полковника Лихачева». Не скроем, что это гнусное измышление ничего, кроме гнева, у нас, входивших в эту «команду», вызвать не может. Такую же реакцию у нас вызвало заявление журналиста А. Ваксберга, отбросившего всякие эмоциональные тормоза и написавшего в «Литературной газете» от 18 октября 1989 года о том, что на процессе в Нюрнберге «действовала банда полковника Лихачева».

Эти оскорбления свидетельствуют лишь о том, что и Абаринов, и Ваксберг понимают гласность как вседозволенность, позволяющую им писать все, что заблагорассудится, в отношении бывших сотрудников органов государственной безопасности, не утруждая себя необходимыми доказательствами. Однако эмоции не могут помочь установлению истины, поэтому попробуем проанализировать, с позволения сказать, «доказательства», приведенные автором для вывода о том, что Н. Д. Зоря был насильственно устранен из жизни, поскольку якобы не сумел предотвратить обсуждение на процессе договоров 1939 года между СССР и Германией. Для этого необходимо прежде всего сказать, что М. Ю. Рагинский, А. И. Полторак и другие лица, фактически монополизировавшие подготовку и публикацию официальных и других материалов,

[1] В официальных публикациях на русском языке фамилия этого защитника пишется Зейдль, а не Зайдль, хотя второе написание является более правильным.

касающихся Нюрнбергского процесса, упорно замалчивали наше участие в работе трибунала, распространяли версию о том, что у нас там какие-то особые задания. Во всех официальных публикациях и мемуарной литературе, когда сообщались сведения о составе следственной части советского обвинения, фамилии Гришаева и Соловова опускались и упоминались лишь Александров, Розенблит, Орлов и Пирадов. Мы же всегда попадали в разряд «и другие». Только после того, как нам стало известно о подготовке к изданию восьмитомника материалов Нюрнбергского процесса и были получены сведения о том, что М. Ю. Рагинский и некоторые другие бывшие члены советской делегации распространяют ложные сведения о нашей работе в трибунале, которая якобы никакого отношения к процессу не имела, нам пришлось предъявить в издательство официальные документы за подписью Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко и заместителя главноначальствующего Советской военной администрации в Германии генерала армии В. Д. Соколовского. Этими документами удостоверялось, что мы являлись следователями при Главном обвинителе от СССР. Нам также известно, что внесение фамилий Гришаева и Соловова в список сотрудников следственной части вызвало резкое возражение М. Ю. Рагинского, который заявлял, что работа в трибунале была для нас лишь «крышей», что у нас были какие-то особые задания. Эта мысль четко отражена и в статье Абаринова, который пишет, что восстановить полную картину деятельности группы Лихачева (в которую входили мы) в Нюрнберге «сегодня вряд ли возможно». Но кое-какие детали нам известны из неопубликованных записок переводчика следственной части О. Г. Свидовской (ныне Табачникова). И далее цитируются досужие рассуждения Свидовской — переводчицы английского языка, не входившей в состав следственной части.

В пространной цитате из «Неопубликованных воспоминаний» Свидовской, в которых она касается деятельности «группы Лихачева», приведенной Абариновым, соответствует истине только последнее предложение, где говорится, что Борис Соловов утверждает, что американцы прекрасно знали, что из себя представляла так называемая «группа Лихачева». Это действительно так. Они знали, что мы являлись офицерами советской военной контрразведки.

Чтобы убедить читателя, что указанная группа не была составной частью советских обвинителей, Абаринов вместо того, чтобы ознакомиться с официальными документами или уж, на худой конец, поговорить с еще живыми участниками данной группы, приводит в качестве доказательства «авторитетные» суждения пробывшей непродолжительное время на процессе переводчицы Р. В. Литвак о том, что у названной группы не было «никаких прямых обязанностей, связанных с процессом». Он также ссылается на высказывание Кобулова от 16 ноября 1945 года о том, что «наши люди» в Нюрнберге сообщают ему о поведении обвиняемых на допросах и о недостаточном отпоре антисоветским выпадам Геринга, Иодля, Кейтеля со стороны Г. Н. Александрова.

Без обиняков автор пишет, что под своими людьми в Нюрнберге Кобулов имел в виду Лихачева, Гришаева, Соловова и других лиц, входивших в эту группу. Автор проявляет полную некомпетентность, соединенную с неблаговидным замыслом, в вопросе, о котором взялся судить спустя почти 44 года. Безответственными утверждениями он дезинформирует читателя, а нас тяжко оскорбляет. На самом деле все обстояло иначе. М. Т. Лихачев и входившие в возглавлявшуюся им в течение пяти месяцев, а затем полковником В. Г. Сюгановым группу офицеры никогда не были подчиненными Кобулова. Кобулов до апреля 1946 года был заместителем наркома внутренних дел СССР. Мы же были офицерами военной контрразведки, никакого отношения к НКВД не имевшей, а являющейся составной частью Красной Армии, подчинявшейся Наркомату обороны СССР. Лишь в мае 1946 года, вскоре после преобразования Совета Народных Комиссаров в Совет Министров, было образовано Министерство государственной безопасности СССР, которому и стала подчиняться военная контрразведка. Кобулова в числе руководителей вновь образованного МГБ уже не было.

В силу этого мы не могли снабдить информацией Кобулова о поведении Геринга и других обвиняемых на допросах у Н. Г. Александрова. К тому же описанный им эпизод, когда во время допроса 18 октября 1945 года Франк обзывал американского подполковника свиньей, вообще не мог быть нам известным, поскольку мы прибыли в Нюрнберг в начале ноября 1945 года и, следовательно, на допросах у Александрова никто из нас быть не мог и судить о их качестве не имел возможности. Это и сам Александров подтверждает словами о том, что на допросах кроме него «присутствовали полковник юстиции Розенблит и, как правило, полковник юстиции Покровский».

В связи с противоречащими истине утверждениями о том, что «группа Лихачева в Нюрнберге не выполняла работы, связанной с задачами процесса», мы вынуждены остановиться на этом подробней.

После разгрома Германии в распоряжении советских властей из всех главных немецких военных преступников оказались только гросадмирал Редер и ближайший помощник Геббельса — Ганс Фриче, которого задержали органы военной контрразведки в Берлине, а Редера арестовали сотрудники органов НКВД. После того как Фриче принял участие в опознании трупа Геббельса, он был доставлен в Главное управление контрразведки Красной Армии в Москву, где и велось следствие по его делу, а следствие по делу Редера велось в НКВД.

Таким образом, в Нюрнберг наша группа отправилась с Фриче, протоколами его допроса, протоколами допроса представителя флота при ставке Гитлера вице-адмирала Фосса, генерал-лейтенанта Штагеля — организатора разрушения Варшавы, многими другими доказательствами, собранными органами военной контрразведки.

Протоколы допросов, которые были переданы в трибунал, были подписаны с указанием нашего официального статуса. Так, протоколы допроса Фриче были подписаны: «Ст. лейтенант контрразведки Красной Армии Соловов», а генерала Штагеля был подписан: «Капитан контрразведки Красной Армии Гришаев». Если бы Абаринов взял себе за труд ознакомиться с архивными материалами трибунала, то он убедился бы в этом.

Фриче и Редер были доставлены 15 октября 1945 года в Берлин на одном и том же самолете «дуглас». Редера сопровождал подполковник Тупиков и военный переводчик Тураев. Фриче сопровождали Лихачев, Гришаев, Соловов и группа слушателей спецшколы военной контрразведки под командованием старшего лейтенанта Г. А. Самойлова. После прибытия в Берлин нам был предоставлен специальный особняк в пригороде Потсдама, в котором содержались Фриче с Редером. Охрану особняка несли упомянутые слушатели спецшколы. Никаких допросов Редера и Фриче в Бабельсберге не производилось. Комитет Главных обвинителей Международного военного трибунала 18 октября 1945 года утвердил обвинительное заключение. В тот же день вечером Гришаев и Соловов вручили текст этого документа, а также Регламент трибунала Редеру и Фриче. Это обстоятельство подтверждается расписками, которые мы у них отобрали. Надо сказать, что обвиняемые знакомились с содержанием документов весьма скрупулезно и задавали нам немало вопросов. Действуя в качестве офицеров Красной Армии по распоряжению Международного военного трибунала, мы отвечали на эти вопросы и разъясняли их права. Таким образом, мы выполнили первое поручение, непосредственно связанное с задачами процесса.

Трудно в рамках этого письма подробно охарактеризовать объем работы, которую мы проделали по сбору доказательств и подготовке их представлению трибуналу.

Известно, что ни Главный обвинитель, ни его заместитель, ни помощники не владели в необходимой степени немецким языком. Это обстоятельство затрудняло их работу по сбору документов на немецком языке, которые можно было бы использовать при представлении доказательств по различным разделам обвинительного заключения. Переводчики, среди которых не было лиц с юридическим образованием, также мало могли им помочь. Поэтому основная тяжесть по отбору документов на немецком языке легла на плечи Розенблита, Пирадова, Орлова, Гришаева и Соловова. Мы много времени проводили в документальной части американского обвинения, где было сосредоточено большинство таких документов. Мы также работали и в фотоархиве Гитлера, который также оказался в распоряжении американцев. В этот же период Соловов в роли переводчика принимал участие в предварительных допросах многих главных немецких военных преступников и свидетелей из числа генералитета. Наряду с этим мы участвовали в подготовке специальных сценариев представления трибуналу советскими обвинителями доказательств по разделам обвинительного заключения, а также допросов подсудимых во время заседания трибунала.

Во время представления суду доказательств и допросов подсудимых мы исполняли обязанности ассистентов советских обвинителей.

Из официальных материалов известно, что трибуналом был создан специальный комитет уполномоченных. В работе этого комитета, в котором руководителем советской делегации был И. В. Разумов, принимал участие П. И. Гришаев. Этот комитет допросил 101 свидетеля, рассмотрел 1809 письменных свидетельских показаний, 6 отчетов, резюмировавших содержание 196 тыс. других письменных показаний гестаповцев, эсэсовцев и других членов нацистских организаций.

Подтверждение всему тому, что мы пишем о деятельности группы советских военных контрразведчиков на процессе в Нюрнберге, можно было бы найти в соответствующих архивах, материалах кинохроники, фотографиях. В частности, в книге «Великая Отечественная война. 1941—1945» [М.: Планета, 1985. С. 360] помещен снимок, на котором зафиксирован допрос генерал-полковника Гудериана с участием Б. А. Соловова.

В советских архивных материалах Нюрнбергского процесса сохранились и представления К. П. Горшенина и Р. А. Руденко о награждении орденами полковника В. П. Сюганова, капитана П. И. Гришаева и старшего лейтенанта Б. А. Соловова. Ведь не за то же нас представило руководство Прокуратуры СССР к награде, что мы, по утверждению Ю. Н. Зори и Н. С. Лебедевой, «нередко дезинформировали свое руководство и вносили нервозность в работу» [1].

Если бы В. Абаринов не предпочел опираться на домыслы и суждения некомпетентных лиц и сомнительные свидетельства Зейдля, Хайдекера и Лееба, а основательно изучил архивные материалы Нюрнбергского процесса, включая стенограммы допросов подсудимых и свидетелей, фото- и кинодокументы, то из-под его пера не вышла бы столь легковесная статья.

[1] См.: Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергском досье. Международная жизнь. 1989. № 9. С. 127.

Чего стоит, например, такая сентенция автора: «Рассказывают, что Сталин, читая стенограмму, выразил неудовольствие и т. д.». Неужели в статье, претендующей на закрытие «белых пятен», можно ссылаться на такой довод, как «рассказывают»! Кто рассказывает! Кому! Автор просто не представляет объем стенограмм процесса, иначе он не стал бы утверждать, что Сталин читал их. К тому же что-то не помнится, чтобы обвиняемых кто-либо благодарил после их допроса. Все это не больше чем авторские выдумки.

В заключение хотелось бы повторить еще раз, что статья Абаринова носит тенденциозный и бездоказательный характер, является данью современной конъюнктуре, когда некоторыми органами печати охотно публикуется материал исторического характера без должной проверки, если в нем в крайне отрицательном тоне освещается деятельность бывших работников органов государственной безопасности.

П. И. ГРИШАЕВ
Б. А. СОЛОВОВ

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ

Приятно иметь дело с серьезными оппонентами. Они не только не отмалчиваются, но и не оправдываются. Они возмущены бездоказательностью и тенденциозностью статьи, их «тяжко оскорбляют» содержащиеся в ней инсинуации. Они вносят ясность, апеллируя к документам. Полагают ли они вопрос исчерпанным? Во всяком случае, теперь моя очередь отвечать на обвинения, и я удовлетворен представившейся мне возможностью продолжить разговор о Нюрнберге.

Прежде всего: вопрос о профессиональном прошлом Ю. Н. Зори не имеет ни малейшего отношения к существу дела, и мне непонятно, почему авторы письма в редакцию полагают, что эти обстоятельства способны поставить под сомнение достоверность сообщаемых в очерке сведений.

Что касается героя очерка, Николая Дмитриевича Зори, то он действительно работал в Прокуратуре СССР, однако уволился оттуда еще до войны. Если П. И. Гришаев и Б. А. Соловов располагают информацией, компрометирующей Н. Д. Зорю, они должны были огласить ее. Но нет, они и в этом случае предпочитают намеки. Прием не нов, он как нельзя лучше характеризует методы работы известного ведомства, а кроме того, «является данью современной конъюнктуре». В целом же оба утверждения нисколько не проясняют ситуацию, а лишь еще более запутывают ее. На это, похоже, авторы письма и рассчитывают.

Рассмотрим их возражения по конкретным эпизодам очерка, а затем резюмируем.

В своих пространных рассуждениях авторы письма старательно избегают упоминаний о том, что Зоре было поручено обвинение по разделу «Агрессия против СССР». Между тем именно это обстоятельство было определяющим и для его поездки в Лондон, и для встречи с Зайдлем. Никаких особых полномочий Зоря, конечно, не имел — просто раздел, который он вел, содержал ряд деликатных вопросов, по которым советское обвинение еще не имело инструкций, ведь перечень этих вопросов, как мы помним, появился лишь 26 ноября 1945 года, а поездка в Лондон состоялась в сентябре.

Очень трудно понять мнение авторов письма по поводу встречи Зайдля с Зорей. Отрицают ли они факт встречи? Или они отрицают факт обращения Зайдля к Руденко? к Максуэллу-Файфу? Какую информацию, изложенную в статье, они опровергают? Попробуем разобраться в этом нагромождении сложноподчиненных предложений.

Гришаев и Соловов считают, что Зайдлю незачем было обращаться к Руденко, так как позиция Руденко по вопросу о секретных протоколах была ему уже известна. Это верно, и соответствующая цитата из стенограммы процесса мною в статье приведена. Но вот какой нюанс: позицию-то Зайдль знал, но фотокопии у него появились только после допроса Риббентропа — это новое обстоятельство и побудило Зайдля обратиться к Максуэллу-Файфу. Другой вопрос: почему англичанин направил его к Руденко, но и на него ответить несложно. Утверждая, что решения о приобщении документов были исключительной прерогативой Трибунала, Гришаев и Соловов опять недоговаривают. Между главными обвинителями, и это им отлично известно, существовала конфиденциальная договоренность, согласно которой все документы, касающиеся СССР, должны пройти через советское обвинение.

Цитирую все тот же протокол заседания комиссии Вышинского от 26 ноября 1945 года:

«Слушали:

...4. О порядке представления документов суду (т. Вышинский).

Постановили:

1. Предложить т. Руденко договориться с Джексоном о том, чтобы докумен-

ты, касающиеся СССР, им не были оглашены на суде и предоставлены для использования в процессе Главным обвинителем от СССР.

2. Срочно составить список таких документов.

3. Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на Комитете обвинителей.

По каждому документу т.т. Руденко и Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов». (ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 391, л. 43).

Зайдль, разумеется, не знал об этой договоренности, поэтому и попытался применить обходной маневр. Не совсем понятно, почему Гришаев и Соловов рекомендуют мне обратиться за разъяснениями к секретарше Руденко, заявившей, что разговор Зайдля с Зорей она не переводила, поскольку немецким языком не владела. Именно потому, что она немецким языком не владела и переводчицей Зори не являлась, я к ней и не обращался.

Наконец, о самой этой злосчастной фразе. Естественно, она лишь подтверждает однозначную позицию советского обвинения — ничего другого Зоря сказать не мог, не имел полномочий. Однако внимательный читатель наверняка заметил, что Зоря ответил Зайдлю и н а ч е, нежели Руденко. Он отказался говорить о фотокопиях не потому, что секретные протоколы не имеют отношения к делу Гесса, а потому, что не видит предмета для разговора. Здесь как раз нельзя не отдать должное профессионализму Николая Дмитриевича: узнав, что копии не заверены, он попросту закрыл тему, не вдаваясь в детали. Именно отсутствие заверки и послужило впоследствии Трибуналу основанием для отказа в приобщении копий. Впрочем, для дальнейшего развития событий содержание беседы уже не имело принципиального значения — важен был сам ф а к т в с т р е ч и, ибо после разговора с Зорей Зайдль отнюдь не отказался от своего замысла и сумел, по крайней мере частично, его реализовать.

Интересно, что Гришаев и Соловов ни словом не обмолвились о своем отношении к проблеме секретных протоколов, ради которых, собственно, и написана статья. Что они сами думают о фотокопиях? Существовали оригиналы или, по их мнению, это все-таки подделка? Насколько серьезен был этот инцидент, как реагировала на него Москва? Молчат Павел Иванович и Борис Алексеевич, а ведь им есть что сказать.

Однако вернемся к тексту письма. Абзац, посвященный Александрову, построен столь искусно, что мне стоило немалого труда постигнуть логику авторов. Обратим внимание: они ни разу не говорят «этого не было» — они говорят «мы не могли», «не мог быть нам известным», «никто из нас быть не мог». То ли они имеют в виду физическую возможность, то ли вероятность. И эта двусмысленность не случайна. Почему, например, им «вообще не мог быть известным» эпизод допроса 18 октября, если они прибыли в Нюрнберг в начале ноября? Он не мог быть им известен только в том случае, если бы они у б ы л и из Нюрнберга раньше, чем состоялся допрос. По той же причине, пишут они далее, «на допросах у Александрова никто из нас быть не мог». Вынужден напомнить Борису Алексеевичу, что уже 3 ноября именно он, а не кто-либо иной, присутствовал в качестве переводчика на допросе Александровым Фриче (ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 132, л. 167). Охотно извиняю его забывчивость, тем более что в случае с Франком речь идет вовсе не об александровском допросе. Зачем же, скажите на милость, понадобилось городить этот огород?

Гришаев и Соловов обвиняют меня также в оскорблении памяти покойных и чести ныне здравствующих представителей советского обвинения. Позволительно спросить: расценивают ли они как оскорбление памяти Смирнова многочисленные публикации о процессе Синявского — Даниэля, на котором он председательствовал? Быть может, они полагают оскорблением памяти Руденко опубликованные в последнее время материалы о противоправном изгнании из страны А. И. Солженицына, ссылке А. Д. Сахарова, разнообразных репрессалиях против правозащитников и инакомыслящих? Ведь все это имело место в бытность Руденко Генеральным прокурором СССР, а занимал он этот пост, страшно сказать, с 1953 по 1981 год. Нет, пожалуй, в данном случае уместно поставить еще более резкий вопрос: желают ли преподаватели и студенты Свердловского юридического института, чтобы их учебное заведение продолжало и впредь носить имя Руденко, не является ли э т о т факт оскорблением памяти тех, кто подвергся преследованиям по политическим мотивам при непосредственном участии Руденко, оскорблением самой идеи правового государства?

О неблаговидной деятельности Шейнина и Рагинского упоминают сами авторы письма. Так кого же оскорбил автор? Остаются лишь Покровский и Александров, но о них в материале нет ни одного худого слова.

Откуда авторы письма вывели, будто я приписываю советскому обвинению некую «темную цель», неизвестно, это как раз те самые домыслы, которые так не любят Гришаев и Соловов в чужих статьях. Впрочем, уж коль скоро они коснулись этой неприятной темы, позволю себе сказать несколько слов.

Разумеется, целью советских обвинителей в Нюрнберге было достойно представлять СССР, но дело в том, что многолетняя практика участия в организации массовых репрессий, противозаконные методы советского следствия и судопроизводства не могли сказаться на качестве их представительства. Люди эти давно забыли, что такое настоящий состязательный процесс, независимость суда, беспристрастное судебное следствие. У советских обвинителей была принципиально иная к о н ц е п ц и я суда над главными немецкими военными преступниками, нежели у их западных коллег. Они полагали, что процесс сведется к произнесению эффектных обвинительных речей — это они делать действительно умели — и никак не рассчитывали столкнуться с изощренной и высокопрофессиональной защитой. Вот причина, по которой в Советском Союзе вопреки решению МВТ до сих пор не опубликован полный корпус нюрнбергских материалов.

Предвижу, что многих читателей мое суждение шокирует. Возможно, мне даже инкриминируют стремление поставить под сомнение приговор МВТ. Это, конечно, вздор. Речь о другом — чтобы пояснить, о чем именно, приведу пример. Советское обвинение очень хотело легитимировать свою версию катынских расстрелов, однако, оно всячески стремилось воспрепятствовать перекрестным допросам свидетелей в открытом судебном заседании, в особенности свидетелей защиты. (Один из американских обвинителей Уитни Харрис в письме к автору сообщает, что Роберт Джексон рекомендовал Руденко отказаться от катынского обвинения, «полагая огромное число других преступлений, против которых у немцев не было защиты, достаточным для их осуждения». Тем не менее Руденко настоял на своем.) Руденко предполагал ограничиться представлением текста сообщения советской специальной комиссии, квалифицируя сообщение не только как бесспорное, но и как неопровержимое доказательство. Трибунал отклонил претензии советского обвинения, разъяснив, что суд не может отказать обвиняемым в праве на защиту. Как известно, в дальнейшем защите удалось оспорить факты, содержащиеся в сообщении, и катынское обвинение было исключено из приговора за недоказанностью.

Теперь о группе Лихачева. Авторы письма рассчитывают на неосведомленность читателей, когда пишут, что МГБ было образовано в мае 1946 года и Кобулов не имел к нему никакого отношения. Гришаев и Соловов не могут не знать, что Н а р к о м а т госбезопасности был образован в феврале 1941 года (Указ ПВС СССР от 03.02.41 о разделении НКВД СССР на НКВД и НКГБ.— Правда, 4 февраля 1941) тогда же одним из заместителей наркома госбезопасности стал Богдан Захарьевич Кобулов (Постановление СНК СССР от 29.02.41.— Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941. № 7), а в марте (а не в мае, как указывают Гришаев и Соловов) 1946 года НКГБ был преобразован в МГБ, как и все прочие наркоматы. С 3 февраля 1941 года пост наркома госбезопасности занимал В. Н. Меркулов, он же Указом Верхсовета СССР от 19.03.46 был назначен министром госбезопасности (Правда, 1946, 21 марта).

Неосторожно поступил Павел Иванович. Ведь знает же, что дает мне повод напомнить о его деятельности в качестве помощника начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, а затем заместителя министра госбезопасности М. Д. Рюмина. Знает, но не может удержаться от профессиональной привычки, от соблазна обвинить меня в клевете на «органы». Что и говорить, аргумент в свое время безотказный и даже убийственный. Так в «органах» вы служили или в военной контрразведке, Павел Иванович? Вы, Павел Иванович, в качестве военного контрразведчика возглавляли следственную бригаду по делу Еврейского антифашистского комитета, участвовали в следствии по делу Героя Советского Союза С. С. Щирова, по делу А. С. Аллилуевой, по делу генерал-лейтенанта В. В. Крюкова и его жены Л. А. Руслановой? А Лихачев, расстрелянный по абакумовскому делу за фальсификацию следственных материалов, тоже, стало быть, военный контрразведчик? А вот допрашивали вы, Павел Иванович и Борис Алексеевич, Фриче, так почему же он в конце концов был оправдан? Надо полагать, все-таки не за это вас представили к наградам?

И опять не могу извлечь из письма ответ на ключевой вопрос: признают авторы факт самоубийства Зори или отстаивают версию о неосторожном обращении с оружием? С кем, с чем, с каким вариантом прикажете спорить?

И наконец, самое главное. «Пал жертвой «заговора», «насильственно устранен из жизни»... Что это? Откуда? Павел Иванович, Борис Алексеевич! Этого нет в статье — кого вы опровергаете? Странный, необъяснимый, непозволительный для столь опытных профессионалов прокол. Впрочем, он наводит на размышления.

Надо отдать должное Гришаеву и Соловову: письмо написано мастерски, в лучших традициях советской карательной журналистики. Здесь и «целиком базируется на дезинформации», и «ложная идея», и «неблаговидный замысел», и «искажение правды», и «противоречащие истине утверждения», и «гнусное измышление»... Знакомая фразеология! Особенно одиозно она звучит в устах абакумовских любимцев. Еще год назад я сказал бы, что авторы безнадежно опоздали с этой своей демагогической трескотней, а сегодня нет, не скажу. Жанр реанимирован, и письмо имеет шанс найти сторонников. Да будет плюрализм!

Владимир АБАРИНОВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАРИИ СПИРИДОНОВОЙ

Предисловие

Судьба практически всех революционеров трагична. Впрочем, когда общество раскалывается на непримиримые части, судьба любого человека трагична, ибо в период революционных потрясений, совершаемых во имя человека, роль конкретной личности низводится до унизительного положения разменной монеты ценой в ломаный грош. Человеческая жизнь перестает быть самоценностью, она превращается в средство реализации прекрасных, но совершенно необоснованных претензий на устройство счастливого общества. Письмо Марии Спиридоновой с предельной откровенностью обнажает антигуманную сущность тех, кто возомнил себя призванными создавать райскую жизнь на земле, не считаясь ни с затратами, ни с потерями, ни с элементарными нормами общечеловеческой нравственности, вообще ни с чем.

Сегодня нашего читателя чрезвычайно трудно удивить обилием фактов, убедительно показывающих греховность сотворения нового мира. Тем не менее письмо М. Спиридоновой, лидера партии левых эсеров, стоявших в то время на еще более революционных позициях, чем большевики — самые верные до определенного момента союзники в совместной борьбе против всех, является не совсем обычным свидетельством того времени. Это, по сути дела, одна из первых попыток честного и правдивого анализа первых шагов революции со стороны ее страстного защитника.

Письмо было написано в Кремле, где М. Спиридонова находилась под арестом. В начале 1919 года оно было опубликовано левоэсеровской прессой. Непосредственным поводом для этого обращения в ЦК РКП(б) послужили известные события июля 1918 года, когда была перевернута еще одна важная страница послеоктябрьской политической истории России — прекратила свое существование двухпартийная правительственная коалиция.

Понимала ли М. Спиридонова, что в «злодеяниях» большевиков есть и ее немалая заслуга? Понимала ли она, что революция была обречена на бессмысленные жертвы вовсе не потому, что большевики оказались узурпаторами, а потому, что ставка на насилие, ничем и никем не ограниченное, объективно приводит к монополии на власть — самому величайшему пороку общественной жизни?

Увы, прозрение приходит с запозданием. Заклинания М. Спиридоновой могут показаться пророческими, многие из них на самом деле уже оказались таковыми. Бесконтрольная власть большевиков в конечном итоге привела большую их часть к гибели именно от той власти, ради которой они столько выстрадали, которой доверяли безмерно.

Но в чем истоки чрезмерной монополизации власти? Вероятнее всего, в присваивании отдельной группой лиц исключительного права на знание истины во всем ее многообразии. В революции, как и на войне, чаще всего побеждают не те, кто лучше других знает истину, а те, кто более других верит в свою непогрешимость и на этой основе способен любыми средствами заставить других подчиняться единой воле. Самым мощным средством для большевиков оказалась партийная дисциплина. «Мы-то знаем хорошо, что вы можете сделать во имя партийной дисциплины. Мы знаем, что у вас все дозволено во имя ее». Именно так и было — во имя мертвой дисциплины было позволено все. «Нечего, конечно, сомневаться,— пишет М. Спиридонова,— в дисциплинированности большевиков, революционного трибунала, вопреки всякой логике, истине и доказательствам».

Сегодняшнее половодье демократических преобразований уже неоднократно пытались обуздать берегами дисциплины, пытались запугать «разгулом страстей», осуществлением провокационных действий (вспомним обстановку нагнетания страха накануне 25 февраля — дня, на который было намечено проведение серии митингов в защиту демократии). Публикации писем читателей весьма определенного содержания на страницах некоторых газет недвусмысленно дают понять, что без наведения «должного порядка и дисциплины» перестройка, мол, обречена. Если она и обречена, то прежде всего не из-за избытка стихийности, а из-за чрезмерного желания властвующих структур жить спокойнее...

Еще одно пророчество М. Спиридоновой вот-вот сбудется. «Должно прийти время, и, быть может, оно не за горами, когда в вашей партии поднимется протест против удушающей живой дух революции и вашей партии политики. Должны прийти идейные массовики, в духе которых свежи заветы нашей социалистической революции, должна быть борьба внутри партии, как было у нас с эсерами правыми и центра, должен быть взрыв и свержение заправил, разложившихся, заправившихся в своей бесконтрольной власти, властвовании; должно быть очищение, и пересмотр, и подъем. Должно быть возрождение партии большевиков, отказ от губительных теперешних форм и смысла царистско-буржуазной политики, должен быть возврат к власти советов, к Октябрю». Пришло ли это время? Кажется, да. Подтверждением тому — формирование многопартийной системы, процессы самоочищения в коммунистической партии, да и сама публикация письма Марии Спиридоновой.

Сергей ЮШЕНКОВ,
кандидат философских наук,
народный депутат РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Я пришла к вам 6 июля для того, чтобы был у вас кто-нибудь из членов ЦК нашей партии, на ком вы могли бы сорвать злобу и кем могли бы компенсировать Германию (об этом я писала вам в письме от того же числа, переданном Аванесову в Большом театре).

Это были мои личные соображения, о которых я считала себя вправе говорить своему ЦК, предложив взять представительство на себя.

Я полагала, что мне удастся более, чем другим, загородить свою партию и тех «малых сих» — крестьян, рабочих, матросов и солдат, которые шли за ней.

Я была уверена, что, сгоряча расправившись со мною, вы испытали бы потом неприятные минуты, так как, что ни говори, а этот ваш акт был бы чудовищным, и вы, быть может, потом скорее опомнились и приобрели бы необходимое в то время хладнокровие.

Случайность ли, ваша ли воля или еще что, но вышло все не

так, как я предлагала вам в письме от 6 июля. Пролилась невинная кровь Емельянова, Александровича и других, совсем уж «малых сих» (Емельянов до такой степени не участвовал ни в чем и ничего не знал, что был арестован Поповцами как член чрезвычайки и отведен в их штаб. Александрович в этот день только по Блюмкину догадался, что затевается акт против Мирбаха, и события завертели его раньше, чем он успел опомниться. Мы от него скрывали весь Мирбаховский акт, а другого ведь ничего и не готовилось. Он выполнял некоторые наши поручения, как партийный солдат, не зная их конспиративной сущности. О других расстрелянных и подавно нечего говорить). После этого смысл моего добровольного прихода к вам в моих глазах свелся почти к нулю. Все же соблазняло использовать суд как кафедру. Вы до того бесчестно клеветали на нас, до того вам хотелось обвинить нас в том, чего не было, до того неслыханно вопиюща и небывало подла и гнусна была ваша травля нашей партии, при полном удушении нашей печати, что нужно было, хотя бы и очень тяжелой ценой, ценой компромисса — участия в вашей лжи (признанием вашего суда), приобрести эту возможность гласной борьбы с вами.

Никогда еще в самом разложившемся парламенте, в продажной бульварной прессе и прочих махровых учреждениях буржуазного строя не доходила травля противника до такой непринужденности, до какой дошла ваша травля, исходящая от социалистов-интернационалистов, по отношению к вашим близким товарищам и соратникам, которые погрешили против лояльности к германскому империализму, а не к вам и, во всяком случае, не погрешили в отношении революции и Интернационала.

После моего заявления Шейнкману и заявления ЦК о нашем стремлении изгнать все (не только германские) тайные штабы мировой контрреволюции из сердца и очага международной социалистической революции Советской России, после этого в архангельских краях каким-то генералом были расстреляны наши левые социалисты-революционеры, а в Украине из-за Мирбаха и Эйхгорна стали специально отыскивать левых социалистов-революционеров и после пыток — убивать. И в то время как наши левые социалисты-революционеры умирали на чехословацком и других фронтах в рядах советских войск, вырезывались ярославской и казанской белой гвардией, в то время как каждый империалист уделял особое внимание преследованию нас, вы — интернационалисты — тоже беспощадно обрушивались на нас.

Многочисленные массы, идущие за левыми социалистами-революционерами, лишились советских прав; советы и съезды разгонялись в каждой губернии десятками (Витебская, Смоленская, Воронежская, Курская, Могилевская, Нижегородская и проч., и проч.). Вся советская (а другой тогда еще и не было) крестьянская масса была раздавлена, загнана, затравлена и поставлена под начало военно-революционных комитетов, исполкомов (назначенных из большевиков-коммунистов) и чрезвычаек.

В чрезвычайках убивали левых социалистов-революционеров (отчеты в «Известиях ЦИК» и «Еженедельнике» чрезвычаек) за отказ подписываться под решением пятого съезда Советов; убивали просто за то, что они, левые социалисты-революционеры, и «упорствовали» в этом, не отрекались (циркуляр Петровского об «упорствующих»); убивали, истязали, надругивались. В Котельничах, например, убили только за левоэсерство двух наших товарищей — Махнева и Мисуно (члена крестьянской секции и ЦИК нескольких созывов, члена президиумов не-

Московский двор. Осень. 1990

Не курить! 1990

Катастрофа. 1990

Магазин. 1990

скольких всероссийских крестьянских Советов). Мы гордились ими. Они были настоящими детьми теперешней народной революции, вышли из недр ее, выпрямлялись и работали так, что о Мисуно по всему краю, где он являлся, ходили легенды. Незаметные герои, на хребте которых мы с вами протащили всю Октябрьскую революцию. Мисуно дорого поплатился перед смертной казнью за свой отказ большевистским палачам рыть себе своими руками могилу. Махнев согласился рыть себе могилу на условии, что ему дадут говорить перед смертью. Он говорил. Его последние слова были: «Да здравствует мировая социалистическая революция». Тут ваши палачи прикончили его. И сколько их, погибших сейчас Мисуно и Махневых, по Советской России, безвестных, безымянных, великих в своей стойкости и героизме.

Разгром нашей партии — это разгром советской революции. Вся дальнейшая история этих месяцев говорит об этом. А вы так и не поняли этого. Вы отупели до того, что всякие волнения в массах объясняете только агитацией или подстрекательством.

Вы перестали быть социалистами в анализе явлений, совершенно уподобляясь царскому правительству, которое тоже всюду искало агитаторов и их деятельностью объясняло все волнения. И вы так же правы, как оно.

Вот что об агитаторах мне пишут крестьяне из всех губерний Советской России: «Ставили нас рядом, дорогая учительница (орфографию всюду исправляю), целую одну треть волости шеренгой и в присутствии других двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети». (Реквизиционный отряд, руководимый большевиками из Совета.)

Или из другого письма: «По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить...»

Или из третьего письма: «Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян, у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет буржуазии, у нас надел $^2/_4$ — $^1/_2$ на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика — комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли. Кто теперь за нас заступится. Все сельское общество тебе земно кланяется».

Из четвертого: «Вязали нас и били, одного никак не могли усмирить, убили его, а он был без ума...»

Из этого же письма: «Оставили нам много листков и брошюр, мы их пожгли, все один обман и лесть».

Из пятого письма: «В комитеты бедноты приказали набирать из большевиков, а у нас все большевики вышли все негодящиеся из солдат, отбившиеся, прямо скажем, хуже дерьма. Мы их выгнали. То-то слез было, как они из уезда Красную Армию себе в подмогу звали. Кулаки-то откупились, а крестьянам спины все исполосовали и много увезено, в 4-х селах 2—3 человека убито, мужики там взяли большевиков в вилы, их за это постреляли».

Или шестое письмо: «Прошел слух в уезде, что ты нас обманываешь, сталкиваешься [столковываешься][1] опять с большевиками, а они тебя за это выпущают. Нет, уж теперь не заманишь к ним. У нас в уезде их как ветром выдуло, убивать будем, сколько они у нас народу замучили. Максим В... приехал, сказывал, что ты все в тюрьме. А ты, родименькая, духом не падай, знамя наше крестьянское держи крепче, замаливай за нас, голубушка, сиди твердо. У нас никого нет за «учредилку», будь покойна, мы все за левыми идем».

Или седьмое, от 15 июня, письмо: «1) Григорий Кулаков — отобрано из последних двух пудов один пуд. Семья 3 человека. 2) Сергей Агашин. Семья 7 человек. Отобрали 5 пудов муки, картофеля 7 пудов. Оставили по пуду того и другого. 3) Солдатка Марфа Степанова. Семья 6 человек. Отобрали всю муку —

[1] В квадратных скобках — поправки публикатора.— *Ред.*

подавлять эти восстания, вместо удовлетворения законных требований трудящихся?! Вы убиваете крестьян и рабочих за их требования перевыборов Советов, за их защиту себя от ужасающего, небывалого при царях произвола ваших застенков-чрезвычаек, за защиту себя от произвола большевиков-назначенцев, от обид и насилий реквизиционных отрядов, **за всякое проявление справедливого революционного недовольства.**

И не вина масс, что их требования сходны с нашими лозунгами. Все то, чему мы учили народ десятки лет и чему он кровавым опытом, кажется, научился — **не быть рабом и защищать себя**, вы как будто хотите искоренить из его души истязаниями и расстрелами.

Когда вы увидали, что наша партия жива, что мы не упали на колени и не подали прошения о помиловании, как все эти сутенеры из «Воли Труда» и «Народных Коммунистов», когда вы увидали, что наши массы от нас не ушли, тогда вы начали давить нас всей силой вашего партийного государственного пресса.

Ваши прежние средства — ложь, клевета — перестают быть действительными. «Петроградская конференция левых социалистов-революционеров вместе с монархистами и правыми эсерами», как говорят «абсолютно проверенные» данные Зиновьевской чрезвычайки, это уже такая сильная доза даже не лжи, а безграмотного вранья, что уже никто не верит вашим известиям о левых социалистах-революционерах. Из них берут только **факт защиты нами власти Советов, которую вы уничтожили, власти трудящихся, с которой вы перестали считаться.**

У вас осталось одно средство — физическое истребление нас, и вы его начали применять, устраняя по пути торжествующей контрреволюции последнюю силу, на которую могли бы опереться, к которой могли бы кинуться разбитые, разочарованные массы.

И вот уже начались контрреволюционные лозунги, в волнениях уже поднимается учредилка, уже приходит этот ужас буржуазно-демократической республики, созданный исключительно вашими руками.

Никогда, никогда Россия, так счастливо ставшая в массовой психологии по пути к примитивам максимализма (а только они правы и логичны при глубочайшем революционном взрыве), никогда бы она не попала в объятия социал-предателей и реакции, если бы не ваша партия.

Ваша партия имела великие задания и начала она славно. Октябрьская революция, в которой мы шли с вами вместе, должна была кончиться победой, так как основания и лозунги ее объективно и субъективно необходимы в нашей исторической действительности, и они были дружно поддержаны всеми трудящимися массами.

Это была действительно революция трудящихся масс, и Советская власть буквально покоилась в недрах ее. Она была нерушима, и ничто, никакие заговоры и восстания, не могло ее поколебать. Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям правых с.-р. и меньшевиков.

Они погасали в пустоте. Террор против них был излишен. И так было бы до сих пор, если бы был верен курс вашей политики, если бы вы не изменили принципам социализма и интернационализма.

Но ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся.

Вместо социализированной промышленности — государственный капитализм и капиталистическая государственность; принудительно эксплуатационный строй остается, с небольшой разницей насчет распределения прибыли — с небольшой, так как ваше многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии.

Вместо утвержденной при всеобщем ликовании 3-м съездом Советов рабочих и крестьян социализации земли вы устроили саботаж ее и сейчас, развязав себе руки разрывом с нами, левыми социалистами-революционерами, тайно и явно, обманом и насилием подсовываете крестьянству национализацию земли — то же государственное собственничество, что и в промышленности. Будто нарочно вы не позволяете крестьянам десятки тысяч десятин помещичьих имений брать в социализацию и сберегаете их «советскими имениями» целехонькими, чтобы в случае прихода реакции помещики вошли туда, как на Украине, на готовенькое.

Передвижение земли, трансформация ее, передел всего хозяйства и владение на местах благодаря вашему саботажу закона о социализации земли и хитростям с социализацией чрезвычайно затруднены, и это чревато горькими последствиями для крестьянства.

В вопросе о войне и мире вы приняли «решение» в подписании Брестского мира, который, может быть, уже сделал-таки свое — задушил нашу революцию. И вы имеете еще поразительную смелость уверять народ, что ваше соглашательство с германским империализмом — «передышка» — дала нам богатые результаты. Что, что она нам дала?! Извратила нашу революцию и задержала на полгода германскую, ухудшила отношение к нам английских и французских рабочих, когда на западные фронты обрушились все освобожденные нами военные силы Германии, что унесло у них сотни тысяч жизней и создало почву и возможность для англо-французского правительства вмешаться в наши дела, с негласной нравственной санкцией рабочего народа в большинстве, при вялом протесте меньшинства. Брест отрезал нас от источников экономического питания, от нефти, угля, хлеба, а ведь от этого-то прежде всего и гибнет наша революция.

Брест — это предательство всей окраинной Украинской революции немецкому усмирению. Мы «передыхали» в голоде и холоде, внутренне разлагаясь, пока вырезывались финские рабочие, запарывались белорусские и украинские крестьяне и удушались Литва и Латвия. Принцип «передышки» довел разложение ваше до того, что вы вместе с немецким военным командованием усмиряли, как Скоропадский, восстающих белорусов (Сенненский уезд и вся пограничная полоса). И главное, через Брест мы получили англо-французский фронт, получили весеннюю войну, грозную, неумолимо идущую на нас, со всеми ужасами новой военной техники — ураганного огня и танков, давящих людей тысячами, как козявок. Наша левоэсеровская попытка расторгнуть Брест была отчаянной попыткой апелляции нашего общего Октября к революционному моменту истории, но вы безнадежно увязли в своей позорной зависимости от запугавшего вас германского империализма. Вы способны только апеллировать к материально-техническим моментам. Вы убивали быстро сорганизованные огромные силы армии и революционный энтузиазм на защиту Севера. А Уральский фронт в период вашего мира — союза с Германией, был неприкрыто империалистичес-

ким, и, воюя с англичанами, вы объективно воевали за германский империализм. Как ни виляйте, но ведь это так.

Вовлеченные в орбиту германской империалистической политики, вы боролись все время с нами, тянувшими вас на юг, так как по-нашему только там, и вы теперь увидели сами, там было наше спасение Октября, там узел решающего боя за социалистическую революцию. Но вы не могли этого уже понять. Выдача вами нашего золотого запаса Германии, из произведенной нами контрразведкой над Мирбахом обнаруженная ваша тайная дипломатия, ваши унижения, замазывания, укрывательства всей грязи и контрреволюционного германского посольства, в чем теперь немного сознаетесь (Петроград, ящик с маузерами), все это — этапы вашего соглашательства. Теперь вы рекомендуете кильским матросам и Либкнехту левоэсеровскую тактику отказа от Бреста. Зачем же вы сами ползали на брюхе перед германским империализмом, клеймя теперь выдачу Шейдеманом германского флота, расписываясь этим в предательстве своего черноморского. Левые социалисты-революционеры для торжества интернациональной революции шли на риск огромных национальных жертв, и они имеют право звать на этот же подвиг и Германию. Но при чем тут вы, поступившие так же, как соглашатель Шейдеман, и теперь, во имя своих национальных интересов, требующие от Германии ее национальных жертв.

Ваша армия, конструкция ее, система управления Троцкого, не только введшим [введшего], как Керенский, смертную казнь на фронте, но и осуществляющим [осуществляющего] ее в ужасных размерах (чего Керенский не успел и попробовать), старая механическая дисциплина в армии, естественно растущая ненависть к верхам и Троцкому, что это все, как не возврат к николаевским временам, как не подготовка своими руками старой армии, что, в свою очередь, обещает легкий путь к диктатуре над ней учредиловцев и всяких доморощенных Бонапартов? Вы делаете из армии механическую силу, которая должна заменить массы в борьбе с контрреволюцией, но армия-то набирается ведь из масс, оттолкнутых вами от революции.

Своим циничным отношением к власти Советов, своими белогвардейскими разгонами съездов и Советов и безнаказанным произволом назначенцев-большевиков вы поставили себя в лагерь мятежников против Советской власти, единственных по силе в России. Власть Советов — это при всей своей хаотичности большая и лучшая выборность, чем вся учредилка, думы и земства. Власть Советов — аппарат самоуправления трудящихся масс, чутко отражающий их волю, настроения и нужды. И когда каждая фабрика, каждый завод и село имели право через перевыборы своего советского делегата влиять на работу государственного аппарата и защищать себя в общем и частном смысле, то это действительно было самоуправлением. Всякий произвол и насилие, всякие грехи, естественные при первых попытках массы управлять и управляться, легко излечимы, так как принцип неограниченной никаким временем выборности и власти населения над своим избранником даст возможность исправить своего делегата радикально, заменив его честнейшим и лучшим, известным по всему селу и заводу. И когда трудовой народ колотит советского своего делегата за обман и воровство, так этому делегату и надо, хотя бы он был и большевик, и то, что в защиту таких негодяев вы посылаете на деревню артиллерию, руководствуясь буржуазным понятием об авторитете власти, доказывает, что вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его. И когда мужик разгоняет или убивает насильников-назначенцев — это-то и есть красный террор, народная самозащита от нарушения их прав, от гнета и насилия. И если масса данного села или фабрики посылает правого социалиста, пусть посылает — это ее право, а наша беда, что мы не сумели заслужить ее доверия. Для того чтобы Советская власть была барометрична, чутка и спаяна с народом, нужна беспредельная свобода выборов, игра стихий народных, и тогда-то и родится творчество, новая жизнь, новое устроение и борьба. И только тогда массы будут чувствовать, что все происходящее — их дело, а не чужое. Что она сама [масса] творец своей судьбы, а не кто-то ее опекает, и благотворит, и адвокатит за нее, как в учредилке и других парламентарных учреждениях, и только тогда она будет способна к безграничному подвигу. Поэтому мы боролись с вами, когда вы выгоняли правых социалистов их Советов и ЦИК. Советы не только боевая политико-экономическая организация трудящихся, она и определенная платформа. Платформа уничтожения всех основ буржуазно-крепостнического строя, и если бы правые делегаты пытались его сохранить или защищать в Советах, сама природа данной организации сломила бы их, или народ выбросил бы их сам, а не ваши чрезвычайки, как предателей его интересов.

Программа Октябрьской революции, как она схематически наметилась в сознании трудящихся, жива в их душах до сих пор, и масса не изменяет себе, а ей изменяют. Неуважение к избранию трудящимися своих делегатов и советских работников, обнаруживаемое грубейшим пулеметным произволом, который был и до июльской реакции, когда вы уже часто репетировали разгоны съездов Советов, видя наше усиление, даст богатые плоды правым партиям. Вы настолько приучили народ к бесправию, создали такие навыки безропотного подчинения всяким налетам, что авксентьевская американская красновская диктатура могут пройти как по маслу. Вместо свободного, переливающегося, как свет, как воздух, творчества народного, через смену, борьбу в Советах и на съездах, у вас — назначенцы, пристав и жандармы из коммунистической партии.

О, какие вы злостные, злостные предатели коммунистической революции!

Ну, как, как теперь приходить к трудящимся с проповедью классовой власти?! Они спросят: «какого класса?» Ваши проделки с крестьянством, с комитетами бедноты... Теперь вы приняли в этой области на словах все наше, на чем мы и [всю] жизнь настаивали, но ведь пять месяцев вы мучили мужиков, пока не отказались от этих своих затей создать из преданных вам, закупленных пятидесятью процентами отнятого хлеба, кучек вашего класса, на всю крестьянскую Россию, что-то вроде корпуса жандармов. Рабоче-крестьянское правительство гарантирует себе подчинение, беря от них подписку-присягу. Какое злое извращение классовой власти!

Ваши политические локауты рабочих становятся системой. За что вы распускали курские ж.-д. мастерские, упорно выбирающие меня своим советским делегатом?

А ваше подстрекательство корыстности и продажности и карьеризму, § 16-й [1], эти карточки на обувь, калоши, теплые квартиры, и проч., и проч., выдаваемые в первую очередь большевикам, беззастенчивое печатание об этом в «Правде» и «Известиях ЦИК»... («Очищается дом такой-то, в первую очередь помещаются рабочие-коммунисты»).

Это выселение рабочего-меньшевика и вселение рабочего-большевика на жилое место, это ли означает классовую власть?

[1] По § 16-му записываются «сочувствующие коммунисты».— *Ю. Ф.*

Увольнение многосемейного рабочего, левого с.-р. и прием на его место холостого коммуниста... Эти расстрелы рабочих, и порки, и убийства крестьян и солдат, это ли означает классовую власть? «Если мы пошлем в Совет честного мужика, сочувствующего левым социалистам-революционерам, то у нас ни ссуды на инвентарь, ни обсеменения; мы всегда посылаем в Совет большевика, хотя мы им все «моргуем» (презираем, буквально: «брезгуем»),— пишет крестьянин,— через большевика что-нибудь все-таки достанем от исполкома».

Такая подмена интересов трудящихся интересами тех, кто согласен голосовать за вашу партию, создание какого-то римского плебса, ведет, конечно, к разложению живых творческих сил революции. Массы-то все видят, все понимают, лучше нас видят, и никогда еще все общественные силы не были так истощены, никогда не господствовал в такой степени мещанский эгоизм, самоспасение, дух корыстной наживы, спекуляции, обходы законов, ограждающих личность и задерживающих эксплуатацию одного человека другим, как сейчас, при нашем партийном сектантстве. Понятие классовой борьбы, этой философско-исторической доктрины, вы подменили не только марксистским понятием, только борьбы двух экономических категорий, а подменили понятием борьбы просто волчьей.

Рабочие идут на крестьян, чтобы не умереть с голоду, отнимая у них последние куски хлеба, так как территория нашего теперешнего социалистического оазиса никогда не была хлебной житницей и решение продовольственного вопроса, при наличии всех пагубных следствий войны, внутри острова возможно, о чем левые социалисты-революционеры говорили достаточно громко. Посеяна огромная рознь между родными братьями — земледельцами и заводскими, и не скоро она уйдет.

Классовая борьба в национальном масштабе — утопия, господа брестские националисты, она мыслима только в интернациональном масштабе; а при спасении себя, при своеобразном социалистическом шовинизме, классовая борьба вырождается, как выродилась у вас.

Посеяна межнациональная рознь проведением продовольственной диктатуры через немецкую милицию. Отряды немецких военнопленных (интернационалистов, прибавляете вы) действовали наряду с другими реквизиционными отрядами. Я знаю о Пензенской губернии.

В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали, и все, что полагается, они приняли в положенной форме и установленном порядке. Сначала их реквизировали, пороли и расстреливали, потом они стали стеной (кулацкое восстание — говорили вы), потом их усмиряли, опять пороли и расстреливали. Наши левые социал-революционеры разговаривали с десятками этих, поровших крестьян, «интернационалистов». С каким презрением говорили они о глупости русского мужика и о том, что ему нужна палка; и какой дикий шовинизм вызвали эти отряды «интернационалистов» в деревнях — передать трудно. История с «комбедами» еще долго не изживется.

И нам ли учить вас, что не только фактор политический, да еще сведшийся уже только к голому принуждению, насилию, создает расслоение класса. Процесс расслоения имеет свою хозяйственную, свою культурную, свою политико-правовую основу.

Только так понимая принцип расслоения, действовала всю зиму и весну Крестьянская секция, через своих агитаторов и членов, и результаты были сплошь положительные.

Борьба с кулаками и экономическое обезвреживание их давали средства культурно-хозяйственного устроения целых уездов. Ведь ваша партия, давая на один день октябрьских торжеств 25 миллионов, мне же на организации политико-социального просвещения крестьянства за все 8 месяцев вместо нужных сотен миллионов дала только 3 миллиона, и оно вынуждено было устраиваться само в своих селах и деревнях, без помощи государства.

Вся наша зверская, грубая политика по отношению к крестьянству, особенно развернувшаяся, когда мы стали тюремной, чрезвычайной клиентурой,— **это политика подлинной контрреволюции.** А ваша полиция!.. Это сколок старых городовых с околоточными и избиением даже детей-воришек.

А ваша чрезвычайка!.. Именем пролетариата, именем крестьянства вы свели к нулю все моральные завоевания нашей революции. Когда в вашей собственной среде раздавалось робкое пиканье, осмеливающееся возразить против ее разгула и пробующее добиться неприкосновенности личности хотя бы для членов комитетов Коммунистической партии и членов ЦИК, то вы стали доказывать, что в чрезвычайках нет сомнительных элементов — все сплошь коммунисты, тем хуже для вас и для чрезвычаек. Мы знаем про них, про ВЧК, про губернские и уездные чрезвычайки вопиющие, неслыханно вопиющие факты. Факты надругательства над душой и телом человека, истязаний, обманов, всепожирающей взятки, голого грабежа и убийства, убийства без счета, без расследований, по одному слову, доносу, оговору, ничем не доказанному, никем не подтвержденному. Именем рабочего класса творятся неслыханные дерзости над теми же рабочими и крестьянами, матросами и запуганным обывателем, так как **настоящие-то** враги рабочего класса чрезвычайке попадаются очень редко. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, если бы вы сами **так жутко не породнились с контрреволюцией.** Когда Советская власть из большевиков, левых социалистов-революционеров и других партий покоилась в недрах народных, Дзержинский за все время расстрелял только нескольких невероятных грабителей и убийц, и с каким мертвенным лицом, с какой мукой колебанья. А когда Советская власть стала не советской, а только большевистской, когда все уже и уже становилась ее социальная база, ее политическое влияние, то понадобилась усиленная бдительная охрана латышей Ленину, как раньше из казаков царю, или султану из янычар. Понадобился так называемый красный террор. Те самые люди, которые за безмерное страдание всего народа и нас, социалистов, из политических соображений не поднимали руку на Николая Романова и прочих царей и подцарей, и распустили их по всем украинам, крымам и заграницам, и подняли руку на Николая только по настоянию революционеров, те самые люди, сразу утеряв всякое соображение из-за поранения левого предплечья Ленина, убили тысячи людей. Убили в истерике (сами признают), без суда и следствия, без справок, без подобия какого-либо юридического, не говоря уже нравственного, смысла. Да, Ленин спасен, в другой раз ничья одинокая, фанатичная рука не поднимется на него. Но именно тогда отлетал последний живой дух от революции, возглавляемой большевиками. Она еще не умерла, но **она уже не ваша, не вами творимая.** Вы теперь только ее гасители. И лучше было бы Ленину тревожней жить, но сберечь этот дух живой. И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим огромным умом и личной безэгоистичностью и добротой, не могли догадаться и не убивать Каплан. Как это было бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было бы нужно нашей революции в это время нашей всеобщей оголтелости, остервенения,

когда раздается только щелканье зубами, вой боли, злобы или страха и... ни одного звука, ни одного аккорда любви.

Когда были первые единичные случаи расстрелов в чрезвычайках, Дзержинский ломал голову над решением задачи, как оградить Питер, потом Москву от диких грабежей и не быть палачом, убегал мертвенно бледный Александрович, умоляя взять его из чрезвычайки сегодня, сейчас.

Пил запоем матрос Емельянов, говоря: «убейте меня, начал пить, не могу, там убийства, увольте меня из чрезвычайки, я не могу»... Вот обстановка первых попыток террористических действий. Так как левые социалисты-революционеры в чрезвычайной «тройке» голосовали против расстрелов, то им было предложено уйти оттуда; так и было сделано.

Но, как и во французском терроре, трудно было только начало, так и в России-то, во что развернулась большевистская чрезвычайка, превзошло все бывшие у нас опасения.

Эти ночные убийства связанных, безоружных, обезвреженных людей, втихомолку, в затылок из нагана на Ходынке, с зарыванием тут же ограбленного (часто донага) трупа, не всегда добитого, стонущего на этой же Ходынке, в одной яме [для] многих, не могут называться террором. Какой это террор!..

С этим словом связано на протяжении русской революционной истории не только понятие возмездия или устрашения — это в нем последнее дело — и не только желание или необходимость физического устранения какого-нибудь народного палача. Первым и определяющим его элементом является элемент протеста против гнета и насилия и элемент (путем психиатрического давления на впечатлительность) пробуждения чести и достоинства в душе затоптанных трудящихся и совести в душе тех, кто молчит, глядя на эту затоптанность. Это средство агитации и пропаганды действием, наглядное обучение масс. **Так именно, не боясь никаких последствий, бестрепетно и гордо бить по своему врагу.**

Акт над германским послом Мирбахом в Советской России и германским генералом Эйхгорном на Украине имели прежде всего это предназначение.

И только почти неразрывно с террором связана жертва жизнью, свободой и пр. для нападающей стороны. И кажется, только в этом и есть оправдание террористического акта.

Где все эти элементы в чрезвычайках?!! Переписка в газетах идеологов чрезвычаек свидетельствует о невероятном умственном и нравственном их убожестве; страстность же защиты полной своей самостоятельности чревата самыми интересными осложнениями для самой вашей Коммунистической партии. Вы скоро окажетесь в руках вашей чрезвычайки, вы, пожалуй, уже в ее руках. Туда вам и дорога. Но, бешено защищая себя через этот орган, себя, а не рабочий класс, не смейте говорить при этом от имени пролетариата и крестьянства, от имени которого вы скоро будете иметь столько же права говорить, как Авксентьев или Скоропадский. Революция, хотя вы выдаете мандаты на участие в ней подобно мандатам на получение калош, не может быть вашей монополией, она пошла [слово неразборчиво] и помимо вас. И если еще сможет осилить вашу и психологическую в себе из-за вас реакцию, она найдет способы самозащиты и очистит запачканные вами и правыми социалистами социалистические знамена. Сама сущность восстания масс предрешает в себе самой совершенно иные законы борьбы, чем те, что вы ей подсунули. Пользование робеспьеровскими фразами

из времен французской революции, бывшей полтораста лет тому назад, в совершенно иной обстановке — не аргумент и не оправдание, но Робеспьер так же подкосил и жестоко повредил своим террором французской революции, как вы — русской. А как за эту своеобразно понимаемую диктатуру будет расплачиваться своей жизнью и честью не вы, а пролетариат и крестьянство, воображение отказывается представить. Если временно победит Учредилка и начнется террор социал-предателей и буржуазии, что, кроме мольбы о пощаде, может противопоставить давящий силе реакции разбитый и связанный пролетариат? К чему, к каким абсолютам, к каким идеям морали и человечности может он апеллировать; ему скажут те же маститые, шкурно-хамские, торжествующие слова, которые говорите вы — вы, а не пролетариат, в ваших газетах и на митингах, когда берет ваша физическая сила. И при временном (потому что революция все же победит) торжестве своем враги трудящихся вернут пролетариату все сторицею, беря санкцию на это не только из своей жестокости, но и из ваших примеров, все вернут в сгущенном и усиленном размере, и то, что вы расстреливали 150 человек за одного члена чрезвычайки, и прочие ваши подвиги «морального дерзания».

Рабочий класс до сих пор творил свою революцию под чистым красным знаменем от его **собственной крови**, и в этом был великий моральный авторитет его революции, неугасаемая светоносность его борьбы и страданий за свои лучшие идеи человечества. Сама революция, взятая вне ее временных текущих изменений, в существе своем есть великое светлое преображение жизни, очищение, подъем, освящение ее.

Рабочий класс должен запретить вам спекулировать его именем, прикрывая великим, святым понятием диктатуры пролетариата эти мастерства красного цеха. Рабочий класс и крестьянство должны сказать свое слово: «Долой чрезвычайки» — и они не только скажут, они разгромят их. Социализм должен осуществиться, так как этого требуют интересы огромного большинства трудящихся, так как капиталистическое развитие подготовило почву и укрепило класс, непосредственно заинтересованный в социализме,— он **должен быть**, как неизбежный результат всей теперешней исторической катастрофы. Это научное основание социалистической веры не может быть поколебимо никакими неудачами, но она имеет и идеалистические, иррациональные корни. Вера в социализм есть вместе с тем вера в лучшее будущее человечества, в добро, правду и красоту, в прекращение всех форм гнета и насилия, в осуществление братства и равенства на земле.

И вот, **по этой вере**, как никогда еще не бывало, ярко разгоревшейся огненным светочем в душе народа, вы ударили в корень, будто плюнули в детскую душу.

Что, что сделали вы с нашей великой революцией, освященной такими невероятными страданиями трудящихся?!!

Я спрашиваю вас, я спрашиваю...

Что сделали вы с той безграничной верой трудящихся в вас, которой вы, в союзе с нами, счастливо обладали в такой мере, как, кажется, ни одно правительство на свете. Вспомните 3-й съезд Советов, после казавшегося нам рискованным разгона Учредительного собрания. Трудящиеся отбросили жалкие опыты парламентаризма с величайшим спокойствием верующего. Они отдались нам, как дитя — матери.

Среди вас есть крупные дарования и рядовые работники светлой

убежденности и идейности, и все же вы устроили что-то вроде единственной в мире провокации над психологией масс, сделали ядовитую прививку в громадном масштабе, во имя социализма — прививку отвращения, недоверия и ужаса перед этим социализмом-коммунизмом. За тот кусочек правды, что вы показали народу и помогли осуществить, вы превысили свое значение, потребовали себе, как великий инквизитор, полного господства над душой и телом трудящихся. А когда они стали сбрасывать вас, вы сдавили их застенками для борьбы с «контрреволюцией».

Но ведь до сих пор еще в ваших руках множество средств усмирения недовольства трудящихся. Единая трудовая школа, социализация домов, национализация торговли, каждая из этих реформ — грандиозный фактор в социальной жизни, продолжение октября. Трудовые массы почти никогда не бывают контрреволюционны. Они только бывают голодны или обижены. И сейчас они сумели бы героически голодать и холодать и терпеть еще большие ужасы империалистической и белогвардейской блокады, дотягивая до более светлых дней, если бы и иррациональные корни их движения брались в учет.

Особенно это чувствовалось после Октября. Сокрушительные выступления рискованных народных стихий ломали все преграды государственности, в освободительном движении трудящихся действительно слышались «голоса» почти из наличного «древнего хаоса», вскрывались, как и во всем мире скрываются, подземные родники, в огне восстания обнажались глубокие истоки народной психологии, искания удовлетворения не только брюха, на чем вы все стоите, своеобразные метафизические абсолютисты. И, как всегда в эпохи катастрофических переворотов и напряженности мирового страдания, начинают действовать самые глубокие и основные тенденции исторических процессов, а они (быть может, и вы теперь это увидали) не покрываются формулой вашего экономического материализма.

Поистине, у нас началось новое рождение человечества, в силе и свободе. **И трудящиеся будут и хотят терпеть все муки брюха, отстаивая правду, доживая [до] ее засияния.** Перед нами открылись беспредельные возможности, свет которых не могли обтускнить ни вспышки красного террора, исходящие от самих трудящихся, ни темные стороны их погромных проявлений. И конечно, в этот пафос освобождения, в этот энтузиазм нашей революционной эпохи нельзя было вносить ваш догматизм, диктаторский централизм, недоверие к творчеству масс, фанатичную узкую партийность, **самовлюбленное отмежевание от всего мозга страны,** нельзя было вносить вместо любви и уважения к массам только демагогию, и главное, нельзя было вносить в это великое и граничащее с чудом движение психологию эмигрантов, а не творцов нового мира.

Наша партия была с вами в блоке-союзе и шла вместе с Октября до тех пор, пока вы были в союзе с заветами Октябрьской революции и трудящимися. А когда начался у вас новый курс политики внешней и внутренней, партия наша все дальше отходила от вас. Вы не должны говорить об обмане и вероломстве. Наш партийный центр был вне всякой связи с вами уже с марта месяца после Бреста. Единственным связующим звеном была я, но и я, уходя от вас позже других, сказала некоторым вашим совершенно определенно, что я теперь не с вами, я за крестьянство поднимаю бой.

Но шестое июля не было против вас, вы это так же хорошо знаете, как и мы, оно было последовательным проведением занятой партией позиции, вытекающей из всей тактики партии и учения ее о праве революционного меньшинства. Вашей, позорящей вас, ошибкой является смешение небольшого опыта восстания против германского империализма с якобы нашим намерением свергнуть вас... Излишнее отождествление себя с германским посольством.

Уйдя от вас, партия еще больше и глубже спаялась с революцией и трудящимися, а когда началась дикая правительственная реакция в июле, то партия почти растворилась в массах.

В промежутке между каторгой и вашей тюрьмой я собирала (особенно с октября прошлого года) данные партийного состава крестьянства. В Крестьянскую секцию ежедневно ко мне приходило 30, 40, 50 человек крестьян, я собирала сведения, кроме них, также по всем своим фракциям Всероссийских Съездов Советов, по всем фракциям и большевиков и левых социалистов-революционеров Всероссийских Крестьянских Съездов. И я отметила, что крестьяне — левые эсеры экономически несравненно обездоленнее вашего крестьянства. Все кулаки и подкулаки назывались большевиками. Это и понятно, сила тянет к силе или пристраивается возле нее. А за левыми эсерами, кроме совсем бедных и средних, сплошь идут все сектанты, целыми селами. Так, из Воронежской губернии, из Тверской, из Ставропольской, Кубанской областей, Кавказа и т. д. Это глубоко симптоматичный факт.

Все реальное содержание истории и социальных переворотов человечества составляет борьбу за свободу Человеческой Личности; и недаром те из народа, кто крестным путем отстаивал свободу своей совести и личности, являются активными участниками теперешней революции и идут именно **за нашей партией.**

Эту партию вы думаете убить всеми вашими способами и рассчитываете успеть в этом. Только за то, что мы иначе и мыслим, что отвергаем принудительный набор масс в Коммунистическую партию и отстаиваем **их право на инакомыслие,** только за это вы не даете нам работать для революции, арестовываете говорящих с трудящимися наших ораторов (даже в октябрьские торжества), избиваете и пытаете в Смоленской и пограничных чрезвычайках, где большевики работают в сотрудничестве с немецкими и скоропадскими шпионами. (А вы покрываете это, отказываясь взять от нас об этом сведения и доказательства, когда мы, несмотря ни на что, все же приходим к вам с ними.)

Пусть идет контрреволюция, пусть блокада сомкнет свое кольцо, пусть приходит Краснов и Авксентьев, что вам до этого. Вы будете сводить партийные счеты, будете суживать и суживать «своих», будете искать все более благонадежных «в вашем смысле» и уничтожать все независимое от вашего морального отупения, но кровно слитое и спаянное с интересами социалистической революции и трудящихся. На радость контрреволюционной сволочи, вы последнюю энергию отдаете на нас, а не на нее. Вот сейчас вы разоружаете, на глазах организовавшейся и выступившей белой гвардии в Луге, партизанский отряд левоэсеровских крестьян в Великих Луках и предаете их, таким образом, в руки помещичье-буржуазной своры.

Вот сейчас вы, быть может, совсем накануне тяжких или, наоборот, умопомрачительно радостных событий на Востоке, Западе, Севере, Юге, Англии, Франции и т. д., в порядке дня поставили вопрос о суде над ЦК партии левых социалистов-революционеров и надо мною.

Теперь я не хочу его даже и для кафедры.

За это время вы развернулись в полной силе и отчетливости. Суда

вашей партии над своею и над собою я не признаю. Если нужно нам судиться, то должен судить нас Третий Интернационал и история, и теперь уже не сомневаться, кто тогда будет обвиняем, кто осужден, кто оправдан.

Ваш суд составлен из партийных людей. Он должен во имя партийной дисциплины подтвердить то, что было уже решено вашей партией еще в июле. В течение этих месяцев, с нашей партией во исполнение этого решения расправлялись, применяя все, вплоть до смертной казни, за «мятеж», за «заговор», за «позицию ЦК», за отказ отречься от нее, хотя судом не было еще установлено, был ли этот мятеж и заговор и в чем именно состоит эта позиция, за которую нашим Мисуно приказывают рыть себе могилу перед смертью. Если революционный трибунал установит в этой «позиции ЦК» отсутствие мятежа и заговора о свержении вас, то он же этим выносит осуждение своему ЦК. Скорее реки потекут вспять, чем это может случиться.

Мы-то знаем хорошо, что вы можете сделать во имя партийной дисциплины. Мы знаем, что у вас все дозволено во имя ее. Партийная дисциплина позволила нас осудить и держать на положении вне закона. Позволены тайные убийства нас, так, одного нашего левого социалиста-революционера, видного работника, подстерегает один ваш агент ВЧК; ему дало разрешение не арестовывать, а просто «убрать». Мне только намекали, через Устинова, что если меня выпустят, то меня же может расстрелять чрезвычайка, и зондировали, не соглашусь ли я отказаться от политической деятельности.

Чудовищно, но факт.

Позволена провокация. Александрович, незадолго до своей казни вами, провалил всеми мобилизованными голосами левых эсеров поставленный вопрос о провокации у правых эсеров и меньшевиков. Без нас, конечно, у вас этот позор, несмываемый позор Советской России, введен в употребление. Стоит ли говорить еще, на что вы способны, подчиняясь мертвой дисциплине.

Нечего, конечно, сомневаться в дисциплинированности большевиков, революционного трибунала, вопреки всякой логике, истине и доказательствам.

Должно прийти время, и, быть может, оно не за горами, когда в вашей партии поднимется протест против удушающей живой дух революции и вашей партии политики. Должны прийти идейные массовики, в духе которых свежи заветы нашей социалистической революции, должна быть борьба внутри партии, как было у нас с эсерами правыми и центра, должен быть взрыв и свержение заправил, разложившихся, зарвавшихся в своей бесконтрольной власти, властвовании; должно быть очищение, и пересмотр, и подъем. Должно быть, возрождение партии большевиков, отказ от губительных теперешних форм и смысла царистско-буржуазной политики, должен быть возврат к власти Советов, к Октябрю.

И я знаю, с такой партией большевиков мы опять безоговорочно и беззаветно пойдем рядом рука об руку. А сейчас лучше убивайте нас и держите в тюрьмах, чем иметь наш штемпель и подпись под директивами расстрела крестьян и рабочих и разгрома всех деревень до основания. Судите и карайте, как судите и караете десятки тысяч трудящихся.

Ваш суд над нашей партией символичен. Он логически доводит близко к концу то разложение, до которого дошла партия большевиков. Ведь только фракционной извращенностью и дисциплинированностью членов партии можно объяснить, что вы сами это дело не снимаете, а все-таки довели его до фикции суда, наложения штемпеля на все проделанное с нами за эти 5 месяцев.

А так как у вас не было и не будет оснований отрекаться от сделанного и так как я-то знаю, что (независимо от того, хорошо это или дурно) мы не свергали в июле большевиков и что наше намерение было только — террористический акт международного значения, акт протеста на весь мир против удушения нашей революции, так как я-то знаю, что был не мятеж, а самозащита, наполовину стихийная, от расправы ослепших от гнева за Мирбаха большевиков, что было только вооруженное сопротивление революционеров при правительственном аресте, и так как ваш партийно-дисциплинированный суд должен всему этому не поверить, то для чего же мне участвовать в затеваемой вами судебной комедии? Для чего своим участием в ней санкционировать право вашей партии судить и наказывать нас, санкционировать шарлатанскую имитацию вашего Шемякина суда под суд народной совести и чести, чем должен был бы быть революционный трибунал.

Кодексом советских законов случаев террора против агента империализма не предусматривается. По смыслу вашей революции и должен был бы разрешить (быть разрешен) такой террор. По смыслу нашей революции выходит, что если на тебя нападает кто бы то ни было и берет тебя за горло, то, если ты не овца и не слякоть,— защищайся — защищай свою жизнь и свободу, жизнь и свободу своих товарищей.

И в этом отношении революционный суд теперешней эпохи, переоценивающей все буржуазно-государственно-правовые ценности, должен был бы разрешить наше революционное, вооруженное сопротивление вашему ЦК в лице Ладжинского, заявившего нам: «За голову Мирбаха, расстреливались [расстреливался] ЦК [партии левых эсеров]».

Духом революции, над которым вы уже не хозяева, мы вряд ли были бы посажены на скамью подсудимых.

Обвинение ЦК левых социалистов-революционеров в попытке введения [вовлечения] в войну [с Германией] путем акта — не основательно. Акт является первым случаем в целой серии такого рода выступлений, началом острой кампании, долженствующей привести к поставленной партией [левых эсеров задачи], при расторжении Брестского договора.

Какую бы возможность вы ни нашли поставить меня под ваш суд, все равно — заставить меня участвовать в нем вы не сможете, даже ваша чрезвычайка окажется здесь бессильной. Слишком долго я была на самом дне жизни, слишком сильно всеми помыслами и сердцем люблю революцию, чтобы бояться каких-либо испытаний и смерти: «на прицел», под который пять, шесть раз брала меня здесь, в Кремле, ваша стража, для ради забавы. И только убийством вы можете меня изъять из революции, меня и агитацию. Она наша, и мы ее. Как у евреев нет другого дома, кроме того, где они родились, где живут и работают, так и у нас вне социалистической революции нет места. И как евреев заплевывали преследовали, так делаете вы с нами. И как может [могут] иногда запутываться чувства их бытия и достоинства, их прав от утомления и гонений, так было в июле со многими из нашей партии. Но как в то же время в душах евреев подготовилась «будущность человечества», так и в нашей партии зреет сила революционно-социалистического возрождения.

Наша партия левых социалистов-революционеров интернационалистов единственно последовательная и стойкая интернационалистическая партия. Партия крестьян и рабочих, партия власти Советов, свободно выбранных трудящимися. Партия непримиримой борьбы с богачами и угнетателями всех стран, партия, не запятнавшая себя соглашательством ни с какой буржуазией, ни с каким империализмом, не загрязнившая своих рук использованием старого аппарата сыска и насилия буржуазной государственности, партия светлой, могучей веры в социализм и Интернационал, имеет огромное будущее.

Истребить ее невозможно ни вам, ни временной реакции, так как и она, и ее идеи живут в массах, коренятся в глубинах их психологии, и революционное мировое возрождение всего человечества неминуемо произойдет под знаком ее Идеи, идеи освобождения Человеческой Личности.

Кремль.
1918. Ноябрь.

Публикация Юрия ФЕЛЬШТИНСКОГО
(Гуверовский институт при Стэнфордском университете)

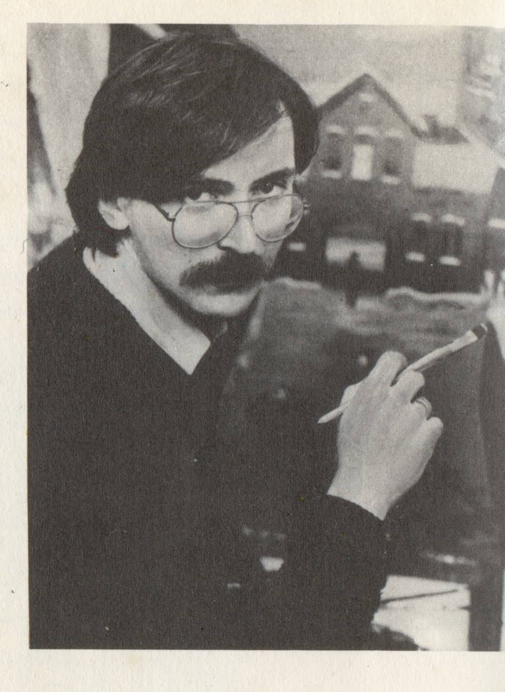
Елена Дунская

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛИНА

Такая вот история,
Извечное присловие:
Все, дескать, возвращается
Да на круги своя.
Но в том-то и безделица,
Что так оно и деется:
Все вправду возвращается
Да на круги своя.
Мели, мели, Емелюшка,
Покуда дышит времечко!
Средь ясна дня затмения
Бояться не моги.
А если репрессируют,
Так реабилитируют,
Поскольку возвращается
Все на своя круги.

И снова станет беленьким
Все то, что было черненьким.
К немым вернется зрение
И голоса — к слепым.
Прощение — ученому
И памятник — прощенному...
Взамен навеки канувших
Мы новеньких родим.
От громких истин азбучных,
От переборов праздничных
До этой правды аспидной —
Каким мы шли путем!..
Такая вот история.
Но унывать не стоит нам:
Передохнем маненечко —
И новый круг начнем.

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Каждый современный художник должен сделать выбор, который, грубо говоря, состоит в следующем: писать на злобу дня или говорить о вечном? Прикосновения современной жизни настолько болезненны, что мало кто способен их не замечать.

Художник Кирилл Касаткин принадлежит к тому поколению художников, которое получило возможность свободно говорить о том, что видит. И не использовать эту возможность трудно.

Ему 31 год. Закончил Московское художественное училище памяти 1905 года, работает художником-реставратором.

Большая часть работ Касаткина посвящена жизни города, жизни московских дворов и переулков. Они нам знакомы — мы сами росли в таких дворах и ходили по таким переулкам. Но художник изображает не какие-то конкретные места Москвы — на его картинах они достаточно условны. Вот, например, двор, серый, разрытый посредине: одни рабочие прокладывают трубы, другие — выпивают неподалеку, тут же ходит страж порядка — милиционер. Жильцы вывесили сушить свое белье. Яркое пятно самолетика из детских разноцветных кубиков. Он врезался в стену дома — и в ней образовалась трещина. Голубое небо с розовыми облаками как бы существует отдельно от той жизни, что идет внизу. Московские дворы-колодцы, безысходная «колодезная» ситуация, казарменные коммуналки, наш быт, наши устои — корни, от которых мы пытаемся оторваться; красные кирпичные стены (фабрика? тюрьма?), грязь, лужи, что-то вечно ремонтирующие на улице рабочие. Авария в тупике. Мы привыкли к ней, как те люди, что сидят рядом и наблюдают за работой. Повседневность аварийной ситуации — то, с чем мы сегодня смирились, сжились...

Безысходность? Мрак? Но художник находит выход в гротеске, в ироническом осмыслении мира, в иронической оценке происходящего. Ирония — его защита и его оружие.

Наталья ГЕНИНА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 8. Капур. 9. «Соловей». 10. «Демон». 13. Пирамида. 14. Епиходов. 15. Кредо. 16. Репин. 17. Мазок. 22. Залив. 24. Маринки. 25. Надир. 26. Направник. 27. Рокировка. 29. Ферзь. 31. Центнер. 32. «Афоня». 36. Роман. 37. Смола. 39. «Титан». 42. Строение. 43. Антрекот. 44. Гольф. 45. Абрикос. 46. Лодка.
По вертикали: 1. Давид. 2. Мурадели. 3. Гопак. 4. Коллекция. 5. Медео. 6. Федотова. 7. «Город». 11. Сизиф. 12. Милан. 18. Фарадей. 19. Раритет. 20. Скворец. 21. Дискант. 23. Вуаль. 25. «Норма». 28. Стратегия. 30. «Здоровье». 33. Фельетон. 34. Наина. 35. Смотр. 38. Откос. 39. Тембр. 40. Навои. 41. Точка.